

М. А.
БАКУНИН

Избранное

Михаил Александрович Бакунин

Протест «Альянса»

«Все люди обладают природным властническим инстинктом, который берет свое начало в том основном законе жизни, что ни один индивид не может обеспечить себе существование ни заставить уважать свои права иначе, как посредством борьбы. Эта борьба между людьми началась с людоедства; потом, продолжаясь в течение веков под различными религиозными лозунгами, она последовательно прошла, – и иногда даже как бы возвращаясь к своему первоначальному варварству, – через все формы рабства и крепостничества. В настоящее время она происходит двояким образом: в виде эксплуатации наемного труда капиталом и в виде политического, юридического, гражданского, военного, полицейского угнетения государством и государственною официальною церковью, продолжая вызывать всегда во всех личностях, рождающихся в обществе, желание, потребность, иногда необходимость повелевать другими и эксплуатировать их...»

**Михаил Александрович
Бакунин
Протест «Альянса»**

... то, что они[1] думают и чего хотят, думают и хотят их секции, так что им даже нет нужды спрашивать их, как следует поступить и действовать в том или другом случае от их имени.

Эта иллюзия, эта фикция прискорбна во всех отношениях. Она очень прискорбна, во-первых, в отношении социальной нравственности самих вождей, поскольку она приучает их смотреть на себя, как на неограниченных хозяев над известной группой людей, как на несменяемых, постоянных вождей, власть которых узаконена как теми услугами, которые они оказали, так и самим временем, в продолжение которого длилась эта власть. Лучшие люди легко развращаются, их легко становится подкупить, в особенности, если сама среда способствует этому, благодаря отсутствию серьезного контроля и постоянной оппозиции. В Интернационале не может быть речи о подкупе деньгами, потому что это сообщество еще слишком бедно, чтобы давать доходы или даже справедливое вознаграждение своим вождям. В противоположность тому, что происходит в буржуазном мире, корыстность

и лихоимство в нем, стало быть, редки и бывают лишь в исключительных случаях. Но существует другой вид подкупа, которому, к сожалению, не чуждо Международное товарищество рабочих: это подкуп тщеславия и честолюбия.

Все люди обладают природным властническим инстинктом, который берет свое начало в том основном законе жизни, что ни один индивид не может обеспечить себе существование ни заставить уважать свои права иначе, как посредством борьбы. Эта борьба между людьми началась с людоедства; потом, продолжаясь в течение веков под различными религиозными лозунгами, она последовательно прошла, — и иногда даже как бы возвращаясь к своему первоначальному варварству, — через все формы рабства и крепостничества. В настоящее время она происходит двояким образом: в виде эксплуатации наемного труда капиталом и в виде политического, юридического, гражданского, военного, полицейского угнетения государством и государственною официальною церковью, продолжая вызывать всегда во всех личностях,

рождающихся в обществе, желание, потребность, иногда необходимость повелевать другими и эксплуатировать их.

Мы видим, что инстинкт повелевать другими, в своей первоначальной сущности, плотоядный инстинкт, животный, инстинкт дикаря. Под влиянием умственного развития людей, он в некотором роде облагораживается, принимает менее грубые формы, являясь орудием разума и преданным слугой той абстракции или той политической фикции, которая называется общественным благом; но по существу он остается таким же зловредным, он даже становится вреднее по мере того как, благодаря применению науки, действие его расширяется и усиливается. Если есть дьявол во всей человеческой истории, так это этот властнический принцип. Он один, вместе с тупостью и невежеством масс, на чем он, впрочем, всегда основывается и без чего не мог бы существовать, он один породил все несчастья, все преступления и все постыдные факты истории.

И этот проклятый принцип неизбежно существует, как естественный инстинкт, в каж-

дом человеке, не исключая самых лучших людей. Каждый носит в себе его зародыш, а известно, что каждый зародыш, в силу основного закона жизни, должен необходимо развиваться и расти, если только он находит в окружающей среде благоприятные условия для своего развития. Эти условия в человеческом обществе – тупость, невежество, безразличное ко всему отношение, апатия и рабские привычки масс; так что можно с полным правом сказать, что сами эти массы рожают этих эксплуататоров, угнетателей, деспотов, палачей человечества, чьими жертвами они являются. Когда они безмятежно спят и терпеливо переносят свое унижение и рабство, лучшие люди, рождающиеся в их среде, наиболее умные, наиболее энергичные, те, которые в иной среде могли бы оказать огромные услуги человечеству, становятся неизбежно деспотами. Они становятся ими, часто ошибаясь на свой собственный счет и думая, что работают на благо тем, кого они угнетают. Наоборот, в обществе сознательных людей, с живым умом, ревниво оберегающих свою свободу и готовых в каждый момент вы-

ступить на защиту своих прав, самые большие эгоисты, самые зложелательные личности, становятся хорошими. Такова власть общества, в тысячу раз более сильная, чем власть самых сильных личностей.

Итак, стало быть, ясно, что отсутствие постоянной оппозиции и контроля становится неизбежным источником нравственной испорченности для всех лиц, облеченных какой-нибудь общественной властью; и что те из них, которым дорого спасти свою личную нравственность, должны во-первых, стараться не оставаться слишком долго у власти, а во-вторых, пока у них находится в руках эта власть, стараться вызвать против себя эту оппозицию, подвергнуть себя этому спасительному контролю.

* * *

Этого-то обыкновенно и не делали члены женевских комитетов, без сомнения, благодаря незнанию опасностей, каким они подвергались с точки зрения общественной нравственности. Посвящая себя всецело деятельности в комитетах, они приобрели приятную привычку командовать, и в силу некоторого

рода галлюцинации естественной и почти неизбежной у всех людей, которые слишком долго держат власть в своих руках, они вообразили себя необходимыми людьми. Таким образом, незаметно образовалась в самих секциях строительных рабочих, ярко пропитанных народным духом, нечто вроде правящей аристократии. Мы увидим сейчас, какие губительные последствия вызвало это для организации Международного Товарищества в Женеве.

Нужно ли говорить, насколько такое положение вещей прискорбно для самих секций? Оно все более и более сводит их к нулю, превращает в состояние чисто фиктивных организаций, которые существуют только на бумаге. С возрастающей властью комитетов естественно развились индифферентизм и невежество секций во всех вопросах, кроме вопроса стачек и членских взносов, которые к тому же производятся все с большими и большими затруднениями и очень нерегулярно. Это естественный результат умственной и нравственной апатии секций, а эта апатия является, в свою очередь, таким же необходи-

мым следствием автоматического подчинения, до какого довел секции авторитарный дух комитетов.

Во всех других вопросах, за исключением стачек и членских взносов, строительные рабочие отказались от собственного суждения, от всякого участия в обсуждении их от всякого вмешательства; они во всем полагаются на решения своих комитетов. «Мы избрали комитет, он должен решать». Вот, что строительные рабочие часто отвечают тем, кто старается узнать их мнение по какому-нибудь вопросу. Они дошли до того, что не имеют больше никакого мнения, подобные белым листам бумаги, на которых их комитеты могут писать все, что хотят. Лишь бы только их комитеты не требовали у них слишком много денег и не торопили их слишком вносить то, что полагается, они могут не спрашивая их, решать и делать безнаказанно от их имени все, что им кажется нужным.

Это очень удобно для комитетов, но это отнюдь не благоприятствует общественному, умственному и нравственному развитию секций, ни действительному развитию коллек-

тивного могущества Международного Товарищества. Так как реальными остаются только комитеты, которые, благодаря некоторого рода фикции, свойственной всем правительствам, выдают свою волю и свои мысли за волю и мысли своих секций, тогда как в действительности эти последние в большинстве обсуждаемых вопросов не имеют ни воли, ни мыслей. Но комитеты, представляя только самих себя и имея за собой только невежественные и индифферентные массы, способны лишь образовать фиктивную силу, а не настоящую. Эта фиктивная сила, отвратительное и неизбежное последствие авторитарного принципа, проникнув в организацию секций Интернационала, чрезвычайно благоприятна для развития всякого рода интриг, тщеславия, честолюбия и личных интересов; она даже является превосходным средством, чтобы внушить пролетариату чувство детского самодовольства и уверенности, столь же смешной, как и роковой; она превосходна также, чтобы поразить воображение буржуа. Но она не принесет никакой пользы в борьбе на жизнь и на смерть, какую должен вести те-

перь пролетариат всех стран против еще слишком реальной силы буржуазного мира.

Эта индифферентность по отношению к общим вопросам, которая все больше и больше проявляется у строительных рабочих; эта умственная лень, заставляющая их полагаться во всех вопросах на решения своих комитетов, и вытекающая отсюда, как естественное следствие, привычка к автоматическому и слепому подчинению, делают то, что в самих комитетах большинство входящих в состав их членов становятся бессознательным орудием мысли и воли трех или двух, иногда даже кого-нибудь одного из своих товарищей, более умного, более энергичного, более настойчивого и более активного, чем другие. Таким образом, большинство секций представляет лишь массы управляемых либо олигархией, либо даже совершенно личной диктатурой, скрывающей свою самодержавную власть под самой демократической формой в мире.

При таком положении дела, чтобы взять в свои руки управление всем Женевским Международным Товариществом, и именно груп-

пой строительных рабочих, нужно было сделать только одно: привлечь на свою сторону, всевозможными средствами, нескольких наиболее влиятельных вождей секции, – десятка два или три лиц самое большее. Залучив их и надлежащим образом подчинив их себе, вы имели все секции строительных рабочих в своих руках. Такое именно средство и употребили, с большим успехом, ловкие вожаки Женевской Фабрики[2].

Кульминационный пункт собственно женевской организации, это Женевский Центральный Комитет[3]. Каждая секция посылает в этот комитет двух делегатов так что он должен собирать на своих заседаниях, теперь когда число секций Женевского Интернационала достигло[4], считая по два делегата от каждой... членов. Очень редко бывает чтобы число делегатов, действительно собирающихся на регулярных заседаниях центрального комитета, достигало трети общего их числа.

Центральный Комитет является бесспорно высшей властью в Женевском Интернационале. Благодаря тем полномочиям, какими он облечен, и благодаря своим непосредствен-

ным сношениям со всеми секциями, чьим он, впрочем, считается прямым выразителем, представителем, и в некотором роде постоянным парламентом, центральный комитет обладает, разумеется, большей властью, чем сам федеральный комитет[5]. Этот последний является исключительным и высшим представителем коллективных интересов, стремлений, мысли и воли всех секций Романской Швейцарии, как по отношению к генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих, так и по отношению к национальным организациям этого сообщества во всех других странах. В этом отношении, он находится в зависимости, во первых от генерального совета, против решений которого он, впрочем, всегда может апеллировать к общим съездам, – и затем, и более непосредственно, еще от федеральных съездов секций романской федерации, которые не только имеют право его контролировать и вменять ему в обязанность исполнение своих окончательных постановлений, но и лишить его полномочий и заменить его другим федеральным комитетом.

Федеральный комитет, кроме того, являет-

ся верховным руководителем газеты Федерации. Редакция газеты, правда, назначается романским съездом, но газета выходит под наблюдением федерального комитета, который имеет неотъемлемое право придавать ей свой дух. Если только он умеет пользоваться этим оружием, оно обеспечивает ему большую власть, ибо газета, обращаясь непосредственно ко всем членам Интернационала, может сильно способствовать тому, чтобы выработать в них общее направление.

Таковы главные прерогативы федерального комитета. Нужно прибавить к ним еще очень важное право и обязанности брать в свои руки руководство стачками, когда эти последние, переступая за пределы данной местности, нуждаются в активном содействии или даже в материальной и моральной поддержке всех секций романской Федерации, также как и секций других стран.

Помимо этих прав, впрочем весьма значительных, у него не остается других прав, кроме права надзора, арбитража и, в случае нужды, призыва к соблюдению основных принципов Международного Общества, каковые

были формулированы на общих съездах, и других обязанностей, кроме обязанности регулярного посредника между Генеральным Советом и местными организациями. В местностях, где существует центральный комитет [6], т. е. местный парламент секций, федеральный комитет не имеет права обращаться непосредственно к этим последним; он может это делать только при посредстве центрального комитета, который является естественным сберегателем свободы и местной автономии против притязаний власти. Федеральный комитет не может, следовательно, оказывать непосредственного влияния и непосредственного действия на секции: эта возможность принадлежит исключительно центральному комитету, которому она обеспечивает гораздо большую местную власть, чем власть федерального комитета.

Власть Центрального Комитета, находящегося, конечно, под контролем, скорее формальным, чем действительным, Федерально-го Комитета и, более серьезно, под контролем федерального органа, если только Федеральный Комитет захочет в случае нужды вос-

пользоваться против него этим последним, — не имеет других истинных границ в управлении внутренними местными делами, кроме тех, которые она встречает в автономном начале секций и в общих собраниях, являющихся некоторого рода местными съездами, не представительными, а настоящими народными съездами, в том смысле, что все наличные члены Интернационала принимают в них участие. Съезды эти, согласно статутам, принятым на первом романском съезде, происшедшем в январе 1869 г. в Женеве, имеют право отменить все решения Центрального Комитета и даже предписать ему свою волю, сохраняя за Центральным Комитетом право апелляции к федеральному и романскому съездам, апелляции, которая, впрочем, может иметь место только в тех случаях, когда решения, принятые общими собраниями, будут противоречить основным принципам Международного Товарищества Рабочих.

Там, где автономия секций действительно существует, она ставит очень серьезные границы произволу Центрального Комитета. Поэтому женевский Центральный Комитет все-

гда почтительно преклонялся перед правом секций Фабрики, солидная организация которых, как мы уже заметили[7], не только предшествует существованию Международного Товарищества Рабочих, но даже, во многих отношениях чужда, чтобы не сказать совершенно противоречит, духу и самим принципам сообщества.

Совершенно иначе обстоит дело с секциями строительных рабочих, организация которых, слишком несовершенная и часто даже, как мы уже видели, сосредоточивающаяся исключительно в комитетах, не внушает такого же уважения к себе Центральному Комитету. Достаточно было бы этому последнему склонить на свою сторону комитет упорствующей в своем мнении секции, чтобы сломить оппозицию. Впрочем, до сих пор мы почти не имели примера такой оппозиции.

Оставалось, следовательно, только единственное средство для защиты независимости и прав строительных рабочих: это общие собрания. И, нужно сказать, ничто не было так антипатично Центральному Комитету, как эти действительно народные собрания,

которые он всегда старался заменить собраниями комитетов всех секций, т. е. собранием правящей аристократии.

Мы вернемся к этому важному пункту. Теперь мы должны выяснить, какой интерес Центральный Комитет, — который внешним образом является представителем не какой-нибудь партии, а всех секций, — может иметь в том, чтобы заменить народные собрания этими правительственными собраниями. Не является ли сам Центральный Комитет чем то в роде народного парламента, избранного всеобщим голосованием всех секций? Юридически — да, но фактически — нет. Фиктивно он представляет всех, но в действительности, после нескольких месяцев борьбы, он теперь представляет только женевское владычество.

* * *

Итак, мы изложили теперь, насколько возможно короче, главные фазисы этой борьбы, которые покажут нам, каким образом Центральный Комитет, бывший прежде чисто народным и демократическим учреждением, превратился мало по малу в учреждение пра-

вительственное, женевское и аристократическое.

Так как в женевском Интернационале число секций строительных рабочих вместе с промежуточными секциями (типографы, портные, сапожники и т. д.) больше числа секций фабричных рабочих и каждая секция, каково бы ни было число ее членов, представлена в Центральном Комитете только двумя делегатами, то члены не женевцы в этом Комитете должны бы были быть в большинстве, а женевцы в меньшинстве. Однако, не всегда было так, по той простой причине, что несколько промежуточных секций и даже некоторые секции строительных рабочих, хотя большей частью состоящие из иностранцев, с самого начала взяли обыкновение посылать в Центральный Комитет делегатов из женевских товарищей, которые, повинувшись своим патриотическим внушениям, голосуют почти всегда вместе с фабрикой.

Но даже когда делегаты женевцы были численно в меньшинстве в Центральном Комитете, они всегда имели преобладающий голос, и это по многим причинам. Во-первых,

женевские рабочие, взятые в массе, гораздо более развиты, имеют гораздо больше политического опыта и владеют несравненно лучше словом, чем строительные рабочие. Во-вторых, секции фабричных рабочих всегда имели делегатами в Центральном Комитете своих наиболее умных, наиболее видных членов, часто даже своих главных вождей, которым они вполне доверяли и которые, согласно налагаемой статутами на всех делегатов обязанности по отношению к своим секциям, регулярно отдавали отчет своим доверителям обо всем, что они предлагали и за что голосовали в Центральном Комитете, и требовали у них инструкций для своего дальнейшего поведения; так что секции фабричных рабочих могли и могут сказать, что они действительно представлены в Центральном Комитете, тогда как большею частью представительство секций строительных рабочих в Центральном Комитете лишь простая фикция.

Сила строительных рабочих, как мы уже сказали, заключается не в научном, политическом и умственном их развитии, а в правильности и глубине их инстинкта, также

как в их природном здравом смысле, благодаря которому они почти всегда угадывают правильный путь, когда они не дают увлечь себя софизмами какого-нибудь ратора и лживыми речами злостных интриганов, что к сожалению случается слишком часто.

Они насчитывают в своей среде мало образованных вождей, привыкших публично спорить и которые имели бы организационный и административный опыт.

Они приберегают наиболее сметливых товарищей для своих секционных комитетов и отправляют часто делегатами в Центральный Комитет наименее смысленных, наименее рьяных. Эти делегаты, плохо или совсем не понимая важности возложенной на них миссии, часто пропускают заседания Комитета и почти никогда не дают отчета своим секциям о решениях и постановлениях Комитета, в которых, даже когда они присутствуют, они чаще всего принимают лишь пассивное участие, как автоматы.

Понятно, что при таком большинстве, даже когда имеется большинство, собственно женевское меньшинство должно иметь пере-

вес на своей стороне. Этот перевес, который к тому же все возрастает, сдерживал в продолжение некоторого времени один человек, товарищ Броссэ, слесарь.

Нам нет необходимости говорить, что представляет собою Броссэ[8]. Соединяя в себе вместе с действительным добродушием и большой простотой манер энергичный, горячий и гордый темперамент; умный, талантливый и угадывающий умом вещи, которых у него не было ни времени ни средств усвоить путем науки; страстно преданный делу пролетариата и до крайности ревниво оберегающий права народа; как таковой, отъявленный враг всех авторитарных претензий и стремлений, это настоящий народный трибун. Чрезвычайно уважаемый и любимый всеми строительными рабочими, он сделался в некотором роде их естественным вождем и, в качестве такового, он один, или почти один, как в Центральном Комитете и на собраниях правлений комитетов, так и на народных собраниях, выступал против Фабрики.

В продолжении нескольких месяцев, а именно с момента прекращения апрельской

стачки 1868 г. до своего избрания председателем Федерального Комитета романской Швейцарии на первом романском съезде в январе 1869 г.[9], он оставался на посту. Это был героический период его деятельности в Интернационале. В Центральном Комитете, также как и на собраниях комитетов, он был действительно единственным человеком оппозиции, и очень часто, несмотря на сильную женевскую коалицию, поддерживаемую всеми реакционными элементами этих комитетов, он одерживал победу. Можно себе представить, как его ненавидели вожаки Фабрики.

* * *

Главным вопросом, вокруг которого возникли разногласия, был следующий: будет ли организовано Международное Товарищество в Женеве на истинных и широко международных началах этого сообщества, или же, сохраняя великое имя Интернационала, оно станет исключительно, узко женевским? – цель, к которой естественно всеми силами стремятся рабочие женевцы, – масса, разумеется, не отдавая себе в этом отчета, а вожди

вполне сознательно, прекрасно зная, что в этом последнем случае Интернационал не замедлит сделаться в скором времени в их руках могучим средством победоносного вмешательства в местную политику Женевского кантона, в пользу не социализма, а радикальной партии.

Это было началом в женевском Интернационале вечного спора между буржуазным радикализмом и революционным социализмом пролетариата. Спор этот, тогда только что зарождавшийся и не имевший еще, разумеется, определенной формы, велся между двумя противоположными партиями под влиянием скорее инстинктивных стремлений, чем ввиду ясно осознанных ими целей, и вполне выяснился только позднее, в 1869 г., под влиянием газеты «*Egalite*» и пропаганды секции Альянса.

Нам нет нужды объяснять вам, товарищи [10], насколько те, которые защищали сторону революционного социализма, были правы, и насколько те, которые хотели сделать Интернационал орудием буржуазного радикализма, ошибались, насколько этим самым по-

следние, разумеется не зная и не желая этого, работали в пользу полного крушения духа, сути и самой будущности Международного Товарищества Рабочих.

Вы хорошо знаете, что этот же самый спор возобновился на последнем общем съезде Интернационала, имевшем место в Базеле в 1869 г., и что партия буржуазного радикализма, или скорее партия двусмысленного примирения рабочего социализма с политикой буржуазных радикалов, чтобы ни говорили наши политические противники, встретила молчаливое порицание со стороны большинства съезда.

Напрасно большинство делегатов немецкой Швейцарии и оба делегата фабричных секций Женевы[11], вместе со всеми почти германскими делегатами, старались, чтобы съезд поставил на обсуждение знаменитый вопрос о референдуме или прямом народном законодательстве. Внесенный в порядок дня, как последний вопрос, он не обсуждался за недостатком времени и потому что было очевидно, что большинство съезда было против.

Для вас, так и для нас ясно, что революци-

онно-социалистическая часть пролетариата не может вступить в союз ни с какой фракцией, даже наиболее передовой, буржуазной политики, не став сейчас же, вопреки своей воле, орудием этой политики; и что программа социал-демократической партии в Германии, принятая съездом этой партии в августе 1869 г., — программа, которую она, к счастью, в силу самой логики вещей, принуждена в настоящее время радикально изменить и которая, объявив, что завоевание политических прав является *предварительным условием* освобождения пролетариата, становилась этим самым в жгучее противоречие с основными принципами Международного Товарищества Рабочих, делая буржуазную политику основой социализма (ибо всякая предварительная политика, т. е. политика, которая предшествует социализму и которая ведется, стало быть, вне его, т. е. против него, может быть исключительно буржуазной), — что эта программа, говорим мы, могла лишь привести к тому, чтобы заставить социалистическое движение пролетариата тащиться в хвосте за буржуазным радикализмом.

Для вас, как и для нас, очевидно, что политический или буржуазный радикализм, каким бы красным, каким бы революционным он ни называл себя, или ни был им на самом деле, не может и никогда не будет в состоянии желать полного экономического освобождения пролетариата, так как противно самой природе вещей, чтобы какое-нибудь реальное существо, индивид или коллектив, мог хотеть разрушения самих основ своего существования, что, следовательно, буржуазный радикализм, *polens volens*[12], сознательно или бессознательно, будет всегда обманывать рабочих, которые будут иметь глупость довериться искренности его социалистических стремлений или намерений. Радикалы ничего не будут иметь против, чтобы еще раз воспользоваться физической силой и голосами пролетариата для достижения своих исключительно политических целей, но никогда они не захотят и не смогут служить этому последнему орудием для завоевания им политических и социальных прав.

Мы одинаково убеждены, – не правда ли, – что пролетариат был бы вдвойне обманут, за-

ключив союз с буржуазным радикализмом. Во-первых, потому что этот последний стремится к целям, не имеющим ничего общего с целью пролетариата и даже диаметрально-противоположным ей; а затем, потому что буржуазный радикализм не составляет даже силы. Он истощен, и его полное истощение проявляется слишком ярко во всех странах Европы в настоящее время, чтобы возможно было в этом ошибиться. Он не верит больше в свои собственные принципы, он сомневается даже в своем собственном существовании, и он тысячу раз прав в том, что сомневается в этом, потому что, действительно, у него нет больше никакого права на существование. В настоящее время остаются лишь две реальные партии: партия прошлого и реакции, обнимающая все владеющие и привилегированные классы и стоящая ныне, с большей или меньшей откровенностью, под знаменем военной диктатуры и государственной власти; и партия будущего и полного освобождения человечества, партия революционного социализма, партия пролетариата.

Посредине – платонические вздыхатели,

бледные призраки либерального и радикального республиканизма. Это жалкие блуждающие тени, которые хотели, бы уцепиться за что-нибудь реальное, живое, чтобы найти себе какое-нибудь право на существование. Отброшенные реакцией в партию народа, они хотели бы управлять им, и они парализуют его, сбивают его с истинного пути и препятствуют его развитию, не принося ему взамен ни тени материального могущества ни даже какой-нибудь плодотворной идеи.

Социал-демократы Германии сделали опыт с ними. Чего только они не делали, начиная с 1867 г., чтобы заключить патриотический, пангерманский, оборонительный и наступательный союз с знаменитой демократической, республиканской, радикальной и глубоко буржуазной партией, которая называлась народной партией (Volkspartei), одной из творцов и славных защитников не менее знаменитой Лиги Мира и Свободы, партией, которая, образовавшись на юге Германии в противовес прусско-германской политике Бисмарка, имела свой главный центр в столице этих добрых швабов, в Штутгарте. Не пони-

мая, что эта партия была лишь бессильным призраком, германские социал-демократы сделали ей всевозможные и даже невозможные уступки, они настоящим образом кастрировали себя, чтобы спуститься до ее уровня и чтобы быть в состоянии оставаться в союзе с ней. Мы видим теперь, насколько все эти уступки были бесполезны и вредны: народная партия, рассеянная, как пыль, победами и прусско-германской грубостью императора Вильгельма, не существует больше, и социал-демократическая партия, которая не может быть ни рассеяна, ни уничтожена, потому что это не партия буржуазии, а партия германского пролетариата, должна переделать и расширить свою программу, чтобы иметь идею, душу или цель, равные силе своего тела.

Оттого что мы энергично отвергли всякое соглашательство и союз с буржуазной политикой, даже наиболее радикальной, про нас глупо или клеветнически говорили, что, считаясь только с экономической или материальной стороной социального вопроса, мы индифферентны к великому вопросу свободы

и что тем самым мы вступали в ряды реакции. Один германский делегат на Базельском съезде осмелился даже заявить, что тот, кто не признавал вместе с германской социал-демократией, что «завоевание политических прав есть предварительное условие социального освобождения», или, иначе выражаясь, что для того, чтобы освободить пролетариат от капиталистической или буржуазной тирании, нужно сначала войти в союз с этой тиранией, чтобы либо провести реформу, либо совершить политическую революцию, – сознательно или бессознательно союзник цезарей.

Эти господа сильно ошибаются, – и, «сознательно или бессознательно», стараются обмануть публику, – на наш счет. Мы любим свободу гораздо больше, чем они; мы любим ее настолько сильно, что хотим, чтобы она была полная; мы хотим, чтобы она была действительностью, а не фикцией; и потому-то мы решительно отвергаем всякий союз с буржуазией, убежденные, что всякая свобода, завоеванная при помощи буржуазной политики, буржуазными средствами и оружием, или благодаря союзу обманутых простаков с буржуазией,

ей, может быть вполне реальной и очень полезительной для господ буржуа, но для народа будет всегда лишь фикцией.

Господа буржуа всех партий и даже самых передовых, какими бы космополитами они ни были, когда дело идет о том, чтобы заработать деньги все более и более широкой эксплуатацией народного труда, в политике также все горячие и фанатические патриоты своего государства, так как патриотизм в действительности, как прекрасно сказал знаменитый убийца парижского пролетариата и современный спаситель Франции, Тьер, есть не что иное, как культ национального государства. Но государство означает господство, а господство означает эксплуатацию, что показывает, что слово народное государство (Volksstaat), ставши и остающееся еще к сожалению и теперь лозунгом германской социал-демократической партии, есть смешное противоречие, фикция, ложь, без сомнения бессознательная со стороны тех, кто его проповедует, и очень опасная ловушка для пролетариата. Государство, каким бы народным его не делали по форме, всегда останется ин-

ститутом господства и эксплуатации и, следовательно, для народных масс вечным источником рабства и нищеты. Следовательно, нет другого средства освободить экономически и политически народы, дать им одновременно материальное благосостояние и свободу, как уничтожив государство, все государства, и убив тем самым раз навсегда то, что называли до сих пор политикой; так как политика есть не что иное, как механизм, проявление, внутреннее и внешнее, деятельности государства, т. е. практика, искусство и наука господствовать и эксплуатировать массы на пользу привилегированным классам.

Неверно, стало быть, утверждать, что нас не интересует политика. Мы не пренебрегаем политикой, раз мы хотим положительно ее убить. Вот существенный пункт, в котором мы расходимся решительным образом с политическими партиями и буржуазно-радикальными социалистами. Их политика состоит в использовании, в реформе и преобразовании политики и государства; тогда как наша политика, единственная которую мы признаем, это полное уничтожение государства и

политики, являющейся необходимым его проявлением.

И только потому, что мы хотим откровенно этого уничтожения, мы считаем себя в праве называться интернационалистами и революционными социалистами; ибо кто хочет заниматься политикой иначе, чем мы, кто не хочет вместе с нами уничтожения политики, тот должен необходимо творить государственную политику, патриотическую и буржуазную, т. е. отвергать фактически, во имя своего великого или малого национального государства, человеческую солидарность народов, также как и экономическое и социальное освобождение масс внутри страны.

Что касается отрицания человеческой солидарности во имя патриотического эгоизма и тщеславия, или, выражаясь более вежливо, во имя величия и национальной славы, мы видели печальный пример этого как раз в германской социал-демократической партии или, скорее, в программе и политике ее вождей. Перед последней войной эта партия, по-видимому, совершенно приняла пангерманскую программу буржуазной радикаль-

ной и так называемой народной партии – *Volkspartei*.

Как и вожди этой партии, не китайских, а германских теней, вожди социал-демократической партии тоже отправились в Вену, чтобы развить сильнее националистический и пангерманский дух в пролетариате Австрии, по их мнению слишком космополитичном, слишком широком в своих социалистических стремлениях, и внушить ему идеи и стремления, более узко политические и патриотические, словом, чтобы дисциплинировать его и преобразовать в большую национальную, исключительно немецкую партию. Логика этой ложной позиции и этой очевидно политической и патриотической измены по отношению к принципу международного социализма, толкнула их даже на попытку сближения с партией, называемой в Австрии, немецкой партией, полу-либеральной, полу-радикальной, но в высшей степени буржуазной и официальной; с партией, которая хочет именно порабощения всех не немецких народностей Австрии, и в особенности славян, подчинив их исключительно господству немецкого

меньшинства, посредством государства. И в то время как они упрекали, как видно с большим основанием, г. де-Швейцера в том, что он непозволительным образом любезничает с кнуто-германским пангерманизмом Бисмарка, сами они косвенным образом любезничали с пангерманизмом либеральных министров Австрии. Поэтому они были сильно удивлены и комично разгневаны, когда увидели, что эти либералы, эти радикалы и официальные патриоты Австрии преследовали рабочие ассоциации. Однако, логика была на стороне министров, а не на их стороне. Министры, как умные и верные служители государства, тысячу раз были правы сурово преследовать рабочих социалистов, и если было что-нибудь странное, во всем этом, так это наивность вождей социал-демократической партии, которые до такой степени не знали условий существования государства, всякого государства, что могли возмущаться против этих неизбежных преследований и удивляться им.

Впрочем, все о чем мы говорим здесь, из области прошлого, это было давно. Огромные

и ужасные события, которые развернулись с тех пор, как в Германии, так и за ее пределами, и которые изменили лицо Европы, вывели, нужно надеяться навсегда, социал-демократов Германии и от традиционной наивности и от их националистических, политических и патриотических вождедений. Их достойное хвалы поведение во время и после войны, энергичный протест против преступлений официальной Германии и против подлости буржуазной Германии, включая сюда и радикалов из народной партии, дань уважения, какую они отдали, обнаружив поистине геройскую смелость, революции и величественной смерти Парижской Коммуны, все это доказывает, что социал-демократическая партия, включающая в себя в настоящий момент громадное большинство пролетариата Германии, порвала, наконец, цепи, приковывавшие ее до того времени к буржуазно-патриотической политике государства, чтобы следовать отныне исключительно по великому пути международного освобождения, который один только может привести пролетариат к свободе и благоденствию.

Вот, чего так называемые социалисты из секции фабричных рабочих в Женеве еще не поняли. С самого начала они хотели вести женевскую политику в Интернационале и превратить последний в орудие этой политики. Это имело в женевском Интернационале еще меньше смысла, чем в социал-демократической партии Германии, потому что в Германии, по крайней мере, – мы не говорим об Австрии – все рабочие немцы, тогда как в женевском Интернационале большинство членов в это время были иностранцы, что придавало этой организации вдвойне международный характер, ибо она была не только международной по своим целям и своей программе, но международная также еще и по своему положению и фактически, так как большинство ее членов были вынуждены, благодаря тому, что они были другой национальности, оставаться совершенно в стороне от политики и всех местных интересов Женевы. Сделать из Интернационала орудие женевской политики, значило принудить массу рабочих французов, итальянцев, савояр или даже швейцарцев в других кантонах[13], играть смешную

роль солдат, работников в деле, которое им совершенно чуждо, в исключительную пользу и под непосредственным начальством более или менее честолюбивых вождей секций рабочих граждан Женевы.

Этот решающий аргумент и был выставлен против них. Им сказали: «Так как вы женевские граждане, занимайтесь сколько вам угодно женевской политикой вне Интернационала: это ваше право, это, может быть, ваш долг; во всяком случае, это нас не касается. Но мы не признаем за вами права переносить вашу борьбу и местные интриги в наше Международное Товарищество, которое, как одно его название показывает, должно преследовать гораздо более интересные и великие цели, чем вся эта патриотическая выставка личных честолюбий буржуазного радикализма».

Впрочем, нужно сказать, что в эту эпоху, т. е. во вторую половину 1868 года, после того как крупная стачка строительных рабочих показала женевским буржуа политикам, что Интернационал мог и должен был стать великой силой, радикальная партия еще не забрала его в свои руки. Наоборот, рабочие –

граждане Женевы, ставши членами Интернационала, под влиянием товарищей Ф. Беккера, Серно-Соловьевича, Шарля Перрона, образовали новую социально-демократическую партию под председательством Адольфа Каталана, молодого человека достаточно честолюбивого, чтобы легко переменить в случае надобности программу, и который, отвергнутый радикальной партией, одно время надеялся, что зарождающееся могущество Интернационала, в который он даже не входил и против которого он только что перестал бороться, даст ему возможность составить себе карьеру. В этом случае он обнаружил как свою беспринципность, так и легкомыслие в своих расчетах, которые факты, конечно, разрушили. Молодая женевская социал-демократическая партия, программа которой содержала, впрочем, прекрасные вещи, но которая не осуществима, пока будет существовать господство буржуазии, т. е. пока будут государства, показала свою нежизнеспособность; просуществовав каких-нибудь два или три месяца, она умерла, задушенная и погребенная оппозицией или, скорее, почти едино-

душным равнодушием избирателей женевского кантона. Она оказала, однако, большую услугу умеренной консервативной партии, называемой иначе «независимой», продолжив ее господство на два года. С этого времени рабочие – граждане женевского Интернационала после колебаний, длившихся несколько месяцев, стали выступать под знаменем радикальной партии. Что касается г-на Каталана, он искал новых путей для своего молодого честолюбия, стараясь создать новую консервативно-социалистическую партию, в роде той, в какой погряз у вас[14] знаменитый гражданин Кульери.

* * *

Другой пункт разногласия между обеими партиями в женевском Интернационале касался вопроса о кооперативном труде. Вы знаете, что существует два рода кооперации: буржуазная кооперация, которая стремится создать привилегированный класс, нечто в роде новой буржуазии, организованную в акционерное общество; и социалистическая кооперация, кооперация будущего, которая по этой самой причине почти неосуществима в

настоящем. Понятно, что главные ораторы собственно женевских секций горячо защищали первую.

Наконец, был еще третий вопрос, очень важный с точки зрения практической организации Интернационала и борьбы пролетариата против произвола хозяев и капиталистов: это кассы сопротивления. Как они должны быть организованы? Каждая секция должна была иметь свою особую кассу и все кассы должны были федерироваться между собою? Или же должна была существовать для всех секций романской Швейцарии «одна общая и неразделимая касса сопротивления», так чтобы «ни один член, ни одна секция, которые захотели бы выйти потом из Интернационала, не могли требовать возвращения своих взносов»?

Мы цитировали собственные выражения «проекта статутах касс сопротивления, выработанного комиссией, назначенной центральной секцией»; проект этот разработан был главным образом, можно даже сказать исключительно, товарищами Серно-Соловьевичем, Броссэ и Перроном[15], бывшими в то

время главными борцами, главными защитниками истинных принципов, истинных интересов Международного Товарищества Рабочих против слишком патриотического партикуляризма и исключительности женевских граждан.

Этот проект был очень простой и в то же время очень практичный, очень серьезный. Если бы он был принят в то время, как он предлагался, в несколько месяцев создана бы была очень внушительная и солидная «касса сопротивления». Каждый член Международного Товарищества в Женеве должен был вносить в эту общую, единую и неразделимую кассу, через посредство комитета своей секции, ежемесячно двадцать пять сантимов, т. е. три франка в год, что, считая число членов Интернационала в женевском кантоне только в четыре тысячи, дало бы в течение года значительную сумму в 12 тысяч франков. Этой кассой должны были заведовать комитет, в который каждая секция должна была делегировать своего представителя, и бюро, избираемое этим комитетом из своей среды. Комитет и бюро должны были меняться и

находиться под постоянным контролем специального совета и в особенности под контролем общих собраний; проект главным образом опирался на суверенные права этих последних.

При более близком изучении этого проекта мы видим в нем две цели, впрочем, неразрывно связанные одна с другой. Первая, это избавить Женевский Интернационал от двух опасностей, которые наиболее угрожали ему: *primo*, от сильного и разлагающего яда Женевской политики и *secundo*, от снотворного яда буржуазной кооперации, возвращая Интернационалу его истинную основу организацию экономической борьбы против эксплуатации хозяев и капиталистов, Женевцев или не Женевцев. Вторая цель, являвшаяся необходимым следствием первой, это заменить Центральный Комитет, который уже принял авторитарный и скрытый характер олигархического правительства, комитетом кассы сопротивления, вынужденным по своей конструкции быть совершенно прозрачным и вполне подчиненным воле суверенного народа в лице его общего собрания. Это было прямой ата-

кой против женевской олигархии, которая, завладев одним за другим всеми комитетами секций, готовилась основать свое господство в женевском Международном Товариществе. Понятно, почему этому проекту, после того как он был напечатан, не была даже оказана честь серьезного обсуждения его.

В дебатах, вызванных вопросом о кассах сопротивления, было замечательно то, что вначале секции фабричных рабочих стояли за систему обособленных касс, тогда как представители идеи и практической деятельности Интернационала, принятых всерьез, защищали против этих секций систему единой кассы. Но позднее, и именно в июле и августе 1869 г., когда этот вопрос, согласно программе, предложенной лондонским Генеральным Советом для базельского съезда, снова подвергся изучению, оказалось, что, наоборот, серьезные представители дела международного пролетариата стали сторонниками свободной федерации отдельных касс всех секций, тогда как главные вожаки фабричных рабочих поддерживали против них организацию единой кассы. Что же произошло, что вызвало такую

полную перемену во взглядах в каждой из двух сторон? Произошло то, что сторонники автономии и истинного равенства всех секций Интернационала, видя, что женевская клика, несмотря на их усилия, завладела всем правлением Международного Товарищества, поняли, что если будет создана централизованная и единая касса, то высшее заведывание этой кассой, исключительное управление этим боевым орудием, которым объединенные рабочие могут пользоваться для борьбы со своими хозяевами, и, следовательно, вся сила Интернационала необходимо перейдет в руки этой клики, этой правящей олигархии, уже и без того слишком торжествующей. По той же самой причине вожди чисто женевских секций естественно желали создания единой кассы.

Спешим прибавить, что в этом желании не было никакой узко-корыстной задней мысли. Наоборот, мы с удовольствием отмечаем, что фабричные рабочие никогда не обнаруживали скупости и всегда охотно и широко поддерживали своим кошельком рабочие ассоциации, как женевские и швейцарские, так и

иностранные, которые, вынужденные объявить стачку, обращались к их моральной и материальной поддержке. Мы их упрекаем, стало быть, не в скупости, а в узости и часто даже грубости их женевского тщеславия, в стремлении к исключительному господству; мы упрекаем их, что они вошли в Интернационал не для того, чтобы потопить там свой патриотический партикуляризм в широкой человеческой солидарности, но чтобы придать ему, напротив, исключительно женевский характер; чтобы подчинить громадную толпу рабочих иностранцев, которые входят в его состав и были даже первыми его основателями в Женеве, самодержавному управлению своих вождей, и через их посредство, управлению своей радикальной буржуазии, для которой они сами более или менее служат лишь слепым орудием.

Все эти вопросы обсуждались в тайне, как полагается правительственным совещаниям, в женевском Центральном Комитете, и чернь, масса, составляющая Интернационал, была всегда очень неполно информирована о борьбе, которая велась в этой Высшей Палате

сенаторов. Однако, борьба эта воспроизводилась, разумеется, далеко не в полном виде, а отдельными эпизодами и в более или менее замаскированном виде, как на общих собраниях, так и на ежемесячных заседаниях центральной секции[16]. Как здесь, так и там горячий защитник истинных принципов Интернационала, независимости и достоинства строительных рабочих и суверенных прав «народной черни», угрожаемых растущим честолюбием и захватническими стремлениями господ сенаторов из комитетов, товарищ Боссэ, нашел могучую поддержку со стороны Серно-Соловьевича, Перрона, Ф. Беккера, Гета, Моншаля, Линдеггера и еще некоторых других, среди которых не надо забывать г-на Анри Перрэ, вечного главного секретаря Женевского Интернационала, который с тактом, свойственным государственным мужам, во всех публичных дискуссиях, каковы бы, впрочем, ни были его личные мнения, устраивается всегда таким образом, чтобы казаться разделяющим мнение большинства[17].

На больших публичных собраниях самые широкие идеи, смелые мысли всегда, конеч-

но, одерживали верх. В большинстве случаев, когда сознание народных масс не извращалось в продолжение долгого времени заинтересованным и ловким распространением клеветы и лжи, устанавливается на народных собраниях нечто вроде коллективного инстинкта, который непреодолимо толкает их в сторону справедливости и истины и который настолько могуч, что даже наиболее упорные личности поддаются ему. Интриганы, ловкие, всеильные на закрытых, более или менее тайных заседаниях комитетов, теряют обыкновенно большую дозу своей уверенности перед этими большими собраниями, на которых народный здравый смысл, опирающийся на этот инстинкт, расправляется с их софизмами. Истина и справедливость до такой степени заразительны здесь, что случалось очень часто, что на общих собраниях всех секций, даже рабочая масса фабричных секций, – простой народ входящий в женевские секции, – увлеченная общим энтузиазмом, голосовала за резолюции, противные идеям и мероприятиям предлагаемым ее вождями.

Поэтому, как мы, впрочем, уже заметили,

эти общие собрания никогда не пользовались сочувствием этих последних, которые всегда предпочитали им собрания комитетов всех секций. Правительственные и тайные собрания, происходившие почти всегда при закрытых дверях, недоступны рабочим массам Интернационала. Только члены, более или менее постоянные и неизменные, комитетов секций имеют право участвовать на них. Сходясь на частном и закрытом собрании, они составляют вместе настоящую правящую аристократию Интернационала. Это истина, много раз отмеченная, что достаточно человеку, даже наиболее либеральному и самому популярному, войти в состав какого-нибудь правительства, чтобы он совершенно изменился качественно; если он не погружается очень часто в народные низы, если он не вынужден действовать постоянно открыто на глазах у всех, если он не подвергается спасительному режиму постоянного контроля и народной критики, которые должны постоянно напоминать ему, что он не хозяин над массами ни даже их опекун, а только их поверенный или избранный и в каждую минуту могущий

быть смененным служащий, он подвергается неминуемо риску испортиться, имея дело исключительно с такими же аристократами, как он, и стать претенциозным и тщеславным глупцом, напыщенным сознанием своей важности.

Вот, на какую участь обрекли себя члены комитетов женевского Интернационала, отказав народу в доступе на свои собрания. На этих собраниях необходимо должен был господствовать совершенно другой дух, противоположный духу, господствовавшему на народных собраниях: насколько на последних проявлялись широта взглядов и великодушные, настолько первые отличались узостью. Здесь не могло быть инстинкта великих идей и великих дел, здесь был инстинкт фальшивой мудрости, жалких расчетов, мелочной ловкости. Одним словом, здесь господствовал авторитарный и правительственный дух: не дух широких масс, примыкающих к Интернационалу, а дух главарей женевской Фабрики.

Понятно, что эти господа очень любят эти собрания комитетов. Это очень благоприятная почва для полного проявления их женев-

ской ловкости; они там хозяева и они широко использовали эти собрания, чтобы настроить и дисциплинировать в желательном для них смысле и, если можно так выразиться, чтобы «оженевить» всех главных членов комитетов иностранных секций, чтобы мало по малу заставить проникнуть в их ум и сердце правительственные и буржуазные инстинкты, которые всегда воодушевляли их самих. В самом деле, эти собрания комитетов секций имели то преимущество, что давали им возможность лично знать наиболее выдающихся и наиболее влиятельных членов этих секций, и достаточно им было склонить на сторону своей политики этих членов, чтобы стать абсолютными хозяевами всех секций.

Поэтому мы видели, что до января 1869 г., когда новые статуты, принятые первым романским съездом, вошли в силу, не общие собрания, а собрания комитетов считались партией женевской реакции как высшая законная инстанция женевского Интернационала. Общие собрания, впрочем, не были ни регулярными ни частыми. Их созывали только в исключительных случаях, и тогда их порядок

дня, установленный заранее, был так переполнен, что оставалось лишь очень мало времени на обсуждение принципиальных вопросов.

Но было другое место, где эти вопросы могли обсуждаться с гораздо большей свободой: это ежемесячные и иногда даже экстраординарные собрания Центральной Секции.

Центральная Секция, как мы сказали, была зародышем, первой клеткой, Международного Товарищества в Женеве; она должна была оставаться его душой, вдохновительницей и его вечным центром пропаганды. В этом смысле, вероятно, ее часто называли «инициативной Секцией». Она создала Интернационал в Женеве, она должна была сохранить и развивать его дух. Все другие секции – корпоративные, и рабочие объединены и организованы в них не благодаря идейной связи, но благодаря факту и самой необходимости их общей работы. Этот экономический факт, специальная индустрия и особые условия эксплуатации этой индустрии капиталом, внутренняя и совершенно особая солидарность интересов, нужд, страданий, поло-

жения и стремлений, которая существует между всеми рабочими, входящими в состав одной и той же корпоративной секции, все это составляет реальную основу их союза. Идея приходит после, как объяснение или как выражение развития и коллективного сознания этого факта.

Рабочий не нуждается в большой умственной подготовке, чтобы стать членом корпоративной секции, представляющей его ремесло. Он является ее членом совершенно естественно, даже прежде, чем он это знает. Ему нужно знать прежде всего, что он изнемогает от работы и что эта работа, которая убивает его, едва достаточная, чтобы прокормить его семью и скудно возобновить его расходуемые силы, обогащает его хозяина и что, следовательно, этот последний является его безжалостным эксплуататором, его неутомимым угнетателем, его врагом, господином, по отношению к которому он должен питать только ненависть раба и должен восставать против него, с тем чтобы потом, когда он окажется победителем, проявить по отношению к нему чувства справедливости и братства свободного

человека.

Он должен также знать, и это нетрудно понять, что один он бессилён против своего хозяина, и чтобы не дать ему раздавить себя, он должен объединиться сначала со своими товарищами по мастерской, быть им верным, несмотря ни на что, во всякой борьбе, поднимающейся в мастерской против хозяина.

Он должен ещё знать, что объединение рабочих одной и той же мастерской недостаточно, что нужно чтобы все рабочие одного и того же ремесла, работающие в данной местности, объединились между собою. Когда он это знает, — и, если только он не слишком глуп, повседневный опыт скоро научает его этому, — он сознательно становится преданным членом своей корпоративной секции. Эта последняя уже существует фактически, но она не обладает ещё международным сознанием, она является ещё только совершенно местным фактом. Тот же опыт, на этот раз коллективный, в непродолжительном времени преодолевает в сознании даже наименее умственно развитого рабочего узость этой исключительно местной солидарности. Насту-

пает кризис, стачка. Рабочие одной и той же профессии выступают за общее дело, требуют от своих хозяев увеличения заработной платы или уменьшения рабочего дня. Хозяева не хотят удовлетворить их требования, и так как они не могут обойтись без рабочих, они приглашают на место стачечников рабочих из других местностей, провинций или даже других стран. Но в этих странах рабочие работают больше за меньшую плату; хозяева могут, стало быть, продавать свои продукты дешевле и этим самым, составляя конкуренцию продуктам страны, где рабочие зарабатывают больше при меньшем труде, они заставляют хозяев этой страны понижать заработную плату и увеличивать длину рабочего дня для своих рабочих; отсюда вытекает, что в конечном счете сравнительно сносное положение рабочих в одной стране может держаться только при условии, чтобы оно было также сносным во всех других странах. Все эти явления повторяются слишком часто, чтобы они могли остаться незамеченными самыми простыми рабочими. Тогда они начинают понимать, что для предохранения себя от постоян-

но возрастающей эксплуатации хозяев им недостаточно организовать местную солидарность, что нужно, чтобы эта солидарность обняла всех рабочих одного и того же ремесла, работающих не только в одной и той же провинции или в одной и той же стране, но во всех странах и в особенности в тех, которые особенным образом связаны между собою в торговом и промышленном отношении. Тогда образуется организация, не местная, ни даже только национальная, но настоящая международная организация данного ремесленного цеха.

Но это еще не организация рабочих вообще, это еще только международная организация одного только ремесленного цеха. Для того чтобы необразованный рабочий признал действительную солидарность, которая необходимо существует между всеми этими ремесленными цехами во всех странах мира, нужно чтобы другие рабочие умственно более развитые и обладающие некоторыми познаниями в области экономической науки, пришли к нему на помощь. Не то чтобы ему не хватало повседневного опыта в этом отно-

шении, а экономические явления, которыми проявляется эта несомненная солидарность, бесконечно более сложны, так что их истинный смысл может ускользнуть и действительно ускользает очень часто от менее развитых рабочих.

Если предположить, что международная солидарность вполне установлена в одном каком-нибудь ремесленном цехе и отсутствует в других, то необходимо последует, что в этой промышленности заработная плата рабочих будет выше и рабочий день короче, чем во всех других отраслях. А так как было доказано, что вследствие конкуренции капиталистов и хозяев между собою, источником настоящей прибыли тех и других является лишь сравнительно низкая заработная плата и наивозможно более длинный рабочий день, то ясно, что в промышленности, между рабочими которой существует международная солидарность, капиталисты и хозяева будут зарабатывать меньше, чем во всех других отраслях; в следствии чего, мало-по-малу, капиталисты перенесут свои капиталы и хозяева свой кредит и свою экс-

плуататорскою деятельность в менее или совсем неорганизованные отрасли промышленности. Но неизбежным следствием этого будет уменьшение в промышленности, международно организованной, спроса на рабочие руки и это естественным образом ухудшит положение рабочих данной промышленности, которые будут вынуждены, чтобы не умереть с голоду, работать и довольствоваться меньшей заработной платой. Отсюда следует, что условия труда не могут ни улучшиться ни ухудшиться в какой-нибудь отрасли промышленности без того, чтобы это не отразилось в скором времени на рабочих всех других отраслей, и что все ремесленные цехи во всех странах мира действительно и неразрывно солидарны между собой.

Эта солидарность доказывается как наукой, так и опытом; – наука, впрочем, есть не что иное, как универсальный опыт, рельефно выраженный, систематизированный и надлежащим образом разъясненный. Но солидарность проявляется в рабочем мире во взаимной, глубокой и горячей симпатии, которая, по мере того как развиваются экономические

факторы и их политические и социальные последствия, все тяжелее и тяжелее отражающиеся на рабочих всех ремесел, дают себя больше чувствовать, растет и становится более интенсивной в сердце всего пролетариата. Рабочие каждого ремесла и каждой страны, с одной стороны, благодаря материальной и моральной поддержке, которую они в периоды борьбы находят у рабочих всех других ремесел и всех других стран и, с другой стороны, благодаря осуждению и систематической и злобной оппозиции, которые они встречают не только со стороны своих собственных хозяев, но также и хозяев наиболее чуждых им отраслей промышленности, со стороны всей буржуазии, приходят к полному сознанию своего положения и главных условий своего освобождения. Они видят, что социальный мир в действительности разделен на три главные категории: 1; бесчисленные миллионы эксплуатируемых рабочих; 2. несколько сот тысяч эксплуататоров второго и даже третьего разряда; и 3. несколько тысяч или самое большее несколько десятков тысяч крупных хищников, разжиревших капитали-

стов, которые, эксплуатируя непосредственно вторую категорию и косвенным образом, посредством последней, первую категорию, загребают в свои огромные карманы, по крайней мере, половину прибыли, получаемой от коллективного труда всего человечества.

Как только рабочий заметил этот специальный и постоянный факт, как бы мало он ни был развит умственно, он не может не понять вскоре, что, если существует для него какое-нибудь средство спасения, то этим средством может быть только установление и организация самой тесной практической солидарности между пролетариями всего мира, без различия ремесел и стран, в борьбе против эксплуатирующей буржуазии.

Вот, стало быть, вполне готовая основа Международного Товарищества Рабочих. Она была нам дана не теорией, родившейся в голове одного или нескольких глубоких мыслителей, но действительным развитием экономических фактов, тяжелыми испытаниями, каким эти факты подвергают рабочие массы, и размышлением, мыслями, какие они совершенно естественно вызывают в последних.

Для основания этого сообщества необходимо было, чтобы все необходимые элементы, составляющие его: экономический фактор, опыт, стремления и мысли пролетариата были уже развиты в достаточно сильной степени, чтобы положить ему прочную основу. Необходимо было, чтобы в самих недрах пролетариата находились уже, рассеянные во всех странах, группы или союзы достаточно передовых рабочих, которые могли бы взять на себя инициативу великого движения освобождения пролетариата. Затем появляется, разумеется, личная инициатива нескольких умных и преданных народному делу личностей.

Мы пользуемся случаем, чтобы отдать дань уважения знаменитым вождям германской коммунистической партии, в особенности гражданам Марксу и Энгельсу, а также гражданину Ф. Беккеру, — нашему бывшему другу, теперь ставшему нашим беспощадным противником, — которые были, поскольку отдельным личностям дано создавать что-либо, настоящими творцами Интернационала. Мы это делаем с тем большим удовольствием, что

скоро мы вынуждены будем бороться против них. Наше уважение к ним искреннее и глубокое, но оно не идет до боготворения, и мы никогда не будем играть по отношению к ним роль рабов. И продолжая отдавать полную справедливость огромным заслугам, какие они оказали, и даже теперь еще оказывают Международному Товариществу Рабочих, мы всеми силами будем бороться против их ложных авторитарных теорий, их диктаторских вождедений и мании тайных интриг, тщеславной злобы, жалкой личной вражды, низких оскорблений и гнусной клеветы, которые характеризуют, впрочем, политическую борьбу почти всех немцев, и которые они, к сожалению, внесли с собой в Интернационал [18].

Недостаточно, чтобы рабочие массы поняли, что если существует какое-нибудь средство для их освобождения, то этим средством может быть только международная солидарность пролетариата; нужно еще, чтобы они верили в реальную, безусловную действительность этого средства спасения, чтобы они верили в возможность своего близкого осво-

бождения. Эта вера – дело темперамента и коллективного душевного и умственного состояния. Темперамент дан различным народам от природы, но он исторически развивается. Коллективное духовное состояние пролетариата всегда является двояким продуктом во-первых, всех предшествовавших событий, а затем, и в особенности, его настоящего экономического и социального положения.

В 1863 и 1864 гг., эпоху основания Интернационала, во всех почти странах Европы и, в особенности в тех, где современная промышленность наиболее развита, в Англии, Франции, Бельгии, Германии и Швейцарии, произошли два факта, которые облегчили и почти сделали необходимым его создание. Первый, это одновременное пробуждение рабочего сознания, смелости, темперамента, после двенадцати или даже пятнадцатилетнего упадочного состояния, которое было результатом ужасного разгрома 1851 и 1848 гг. Второй факт, это поразительное развитие богатства буржуазии и, как необходимого его спутника, нищеты рабочих во всех этих странах. Это было двигателем, а пробуждение созна-

ния и темперамента дало веру.

Но, как это часто бывает, это возрождение веры не проявилось сразу во всей массе пролетариата. Среди всех европейских стран, оно появилось сначала только в двух, затем, в трех и четырех, затем в пяти; даже в этих привилегированных странах, разумеется, не вся рабочая масса, но лишь небольшое число рабочих союзов, чрезвычайно разбросанных, почувствовали пробуждение достаточной веры, чтобы снова начать борьбу; и даже в этих союзах сначала некоторые редкие личности, наиболее умные, наиболее энергичные, наиболее преданные, и в большинстве случаев уже испытанные в предыдущей борьбе, полные надежды и веры, отдаваясь вновь общему делу, решились взять на себя инициативу нового движения.

Эти личности, случайно собравшиеся в Лондоне в 1864 г.[19], по польскому вопросу, политическому вопросу высочайшей важности, но совершенно постороннему вопросу международной солидарности труда и трудящихся, образовали, под непосредственным влиянием первых основателей Интернацио-

нала, первое ядро этого великого сообщества. Потом, вернувшись к себе, во Францию, Бельгию, Германию и Швейцарию, они образовали, каждый в своей стране, соответствующие ячейки). Таким образом были созданы во всех странах первые Центральные Секции.

Центральные Секции не представляют специально никакой индустрии, так как в них входят наиболее передовые рабочие всевозможных индустрий. Что же они представляют? Они представляют самую идею Интернационала. Какова их миссия? Развитие и пропаганда этой идеи. А какая это идея? Освобождение не только рабочих такой-то промышленности или такой-то страны, но всех рабочих всевозможных отраслей промышленности и всех стран мира; это всеобщее освобождение всех тех, кто, тяжело зарабатывая себе мизерное дневное пропитание каким-нибудь производительным трудом, эксплуатируется экономически и поработается политически капиталом или, скорее, собственниками и привилегированными посредниками капитала. Такова отрицательная, боевая или революционная сила этой идеи. А по-

ложительная сила? Основание нового социального мира, покоящегося исключительно на освобожденном труде, и который создастся на развалинах старого мира, путем организации и свободной федерации рабочих союзов, освобожденных от ига, как экономического, так и политического, привилегированных классов.

Эти две стороны одного и того же вопроса, одна отрицательная, другая положительная, нераздельно связаны друг с другом. Никто не может стремиться к разрушению, не имея, по крайней мере, отдаленного представления, правильного или ложного, о новом строе, который должен будет по его мнению последовать за тем, который существует в настоящее время; и чем живее представляет себе человек картину будущего, тем могучее становится его разрушительная сила; и чем больше это представление о будущем приближается к истине, т. е. чем больше оно соответствует необходимому развитию современного социального мира, тем спасительнее и полезнее становится результат его разрушительного действия. Ибо разрушительное действие все-

гда обусловлено, не только в своей сущности и в степени своей интенсивности, но и в своих способах, путях и средствах, положительным идеалом, который составляет его душу, дало ему первый толчок.

Замечателен тот факт, который, впрочем, много раз наблюдался и отмечался многими писателями различных направлений, что в данный момент один только пролетариат обладает положительным идеалом, к которому он стремится со всей своей почти еще девственной страстью, всем своим существом; он видит перед собой звезду, светило, которое светит ему, уже согревает его, по крайней мере в его воображении, в его вере, и которое показывает ему с определенной ясностью путь, по которому он должен следовать, тогда как все привилегированные и так называемые просвещенные классы окружает ужасная беспросветная тьма. Они ничего больше не видят перед собой, ни во что не верят, ни к чему больше не стремятся и хотят только, чтобы вечно сохранялось *statu quo*, признавая в то же время, что *statu quo*, никуда не годится. Нет другого лучшего доказательства тому,

что эти классы осуждены на смерть и что будущее принадлежит пролетариату. В настоящее время «варвары» (пролетарии) являются носителями веры в судьбы человечества и представляют будущее цивилизации, тогда как «цивилизованные» видят свое спасение лишь в варварстве: в избиении коммунаров и возвращении к папе. Таковы два последние слова привилегированной цивилизации.

Центральные секции являются активными и живыми центрами, в которых сохраняется, развивается и разъясняется новая вера. Никто не входит туда, как специальный рабочий того или иного ремесла, ввиду частной организации этого ремесла; все входят туда, лишь как работники вообще, с целью освобождения и общей организации труда и нового социального мира, основанного на труде, во всех странах. Рабочие, которые входят в состав этих секций, оставляя за порогом свои качества специальных или «действительных» рабочих, в смысле своей специальности, являются туда, как работники «вообще». Работники чего? Работники идеи, пропаганды и организации как экономической, так и бое-

вой мощи Интернационала; работники социальной Революции.

Мы видим, что центральные секции представляют совершенно иной характер, чем характер профессиональных секций, и даже диаметрально ему противоположный. Тогда как эти последние, следуя по пути естественного развития, начинают с факта, чтобы прийти к идее, центральные секции, следуя, наоборот, по пути развития идеи или абстрактного развития, начинают с идеи, чтобы прийти к факту. Ясно, что в противоположность вполне реалистическому или позитивному методу профессиональных секций, метод центральных секций является искусственным или абстрактным методом. Этот способ следовать от идеи к факту является именно тем способом, которым пользовались идеалисты всех школ, теологи и метафизики, и конечное бессилие которых отмечено историей. Тайна этого бессилия заключается в абсолютной невозможности, исходя из абстрактной идеи, прийти к реальному и конкретному факту.

Если бы в Международном Товариществе

Рабочих были только центральные секции, нет никакого сомнения, что оно не достигло бы и сотой доли той внушительной силы, какой оно гордится теперь. Центральные секции были бы рабочими академиями, в которых бы вечно обсуждались все социальные вопросы, включая сюда, конечно, и вопрос об организации труда, но без малейшей серьезной попытки и даже без всякой возможности осуществления их; и это по той очень простой причине, что труд «вообще» – лишь отвлеченная идея, получающая свою «реальность» только в огромном разнообразии специальных производств, из которых каждое имеет свой собственный характер, свои собственные условия, которые не могут быть угаданы и тем более определены отвлеченной мыслью, но которые, проявляясь лишь благодаря своему реальному развитию, могут одни только определить свое равновесие, свои отношения и свое место в общей организации труда, – организации, которая, как все имеющее общий характер, должна быть равнодействующей, постоянно воспроизводимой живым и реальным сочетанием всех отдельных

производств, а не отвлеченным принципом их, насильственно и доктринерски навязанным, как хотели бы этого немецкие коммунисты, сторонники народного государства.

Если бы в Интернационале были только центральные секции, им, вероятно, удавалось бы еще устраивать народные заговоры для ниспровержения существующего порядка вещей, заговоры слишком бессильные, чтобы достигнуть цели, потому что они могли бы привлечь лишь очень небольшое число наиболее сознательных, наиболее энергичных, убежденных и преданных рабочих. Громадное большинство, миллионы пролетариев оставались бы в стороне, а чтобы ниспровергнуть и разрушить политический и социальный строй, который давит нас, нужно участие этих миллионов.

Только отдельные личности, и только очень небольшое число могут действовать под влиянием чистой, отвлеченной «идеи». Миллионы, массы, не только в среде пролетариата, но и в просвещенных и привилегированных классах, поддаются только силе и логике «фактов», понимая и имея в виду в боль-

шинстве случаев только свои непосредственные интересы, или движимые страстью, всегда более или менее слепой. Чтобы вовлечь, стало быть, весь пролетариат в дело Интернационала, нужно подойти к нему не с общими и отвлеченными идеями, а с действительным и живым пониманием его действительных зол; его повседневные бедствия, хотя имеющие для мыслителя общий характер и хотя в действительности являющиеся частными следствиями общих и постоянных причин, бесконечно разнообразны, принимают массу различных видов, производимые массой переходящих и частных причин. Такова повседневная действительность этих бедствий. Но пролетарская масса, вынужденная жить изодня в день и едва находящая свободную минуту, чтобы подумать о завтрашнем дне, воспринимает бедствия, от которых она страдает и вечной жертвой которых она является, именно в этой действительности их, и никогда, или почти никогда, в их общей причинности.

Стало быть, для того чтобы затронуть душу безграмотного пролетария, — а к сожалению

громадное большинство пролетариата еще таково, — чтобы завоевать его доверие, согласие, содействие, привлечь его к общему делу, нужно говорить с ним не об общих страданиях всего международного пролетариата, не об общих причинах, которые порождают их, а о его частных повседневных, совершенно личных невзгодах. Нужно ему говорить о его собственном ремесле и об условиях его труда в той именно местности, где он живет; о тяжести его повседневной работы и слишком длинном рабочем дне, о его низкой заработной плате, о недоброте его хозяина, о дороговизне съестных припасов и невозможности для него как следует кормить и воспитывать своих детей. И, предлагая ему средства борьбы против его бедствий и за улучшение его положения, не нужно ему вначале говорить об общих, революционных средствах, которые составляют теперь программу деятельности Международного Товарищества Рабочих, каковы уничтожение личной наследственной собственности и обобществление собственности; уничтожение юридического права и государства и замена их организацией и

вольной федерацией производительных товариществ. По всей вероятности, он ничего не поймет во всех этих средствах, и, возможно даже, что, находясь под влиянием религиозных, социальных и политических идей, какие правительство и духовенство старались внушать ему, он с недоверием и гневом оттолкнет неосторожного пропагандиста, которым захотел бы обратить его своими аргументами. Нет, сначала нужно предлагать ему только такие средства, которые его естественный здравый смысл и повседневный опыт не могут отвергнуть, пользу которых он не может не признать. Эти первые средства, мы уже говорили, установление полной солидарности со всеми товарищами по мастерской в борьбе против общего хозяина или начальства; и затем распространение этой солидарности на всех рабочих против всех хозяев одной и той же профессии в данной местности, т. е. формальное вхождение, в качестве солидарного и активного члена, в секцию своего цеха, секцию, входящую в состав Международного Товарищества Рабочих.

Войдя в секцию, новообращенный рабо-

чий узнает в ней многое. Ему объясняют, что такая же солидарность, какая существует между всеми членами секции, установлена также между всеми различными секциями или всеми цехами одной и той же местности, что более широкая организация этой солидарности, обнимающая безразлично рабочих всех ремесел, стала необходимой, потому что хозяева всех отраслей производства объединяются между собою, чтобы все более и более ухудшать условия людей, вынужденных зарабатывать себе средства к жизни своим трудом. Ему объясняют, наконец, что эта двойная солидарность сначала рабочих одного и того же ремесла, потом рабочих всех ремесел или всех цехов, организованных в различные секции, не ограничивается одной только данной местностью, но, распространяясь дальше за пределы страны, обнимает весь рабочий мир, пролетариат всех стран, могущественно организованный для своей защиты, для войны против эксплуатации буржуазии.

Ставши членом секции Интернационала, он лучше чем из словесных объяснений своих товарищей, узнает скоро все это по своему

личному опыту, отныне ставшему нераздельным, и солидарным с опытом всех других членов секции. Его цех, выведенный из терпения алчностью и жестокостью хозяев, объявляет стачку. Но каждая стачка для рабочих, которые живут только на свою заработанную плату, является чрезвычайно тяжелым испытанием. Они ничего не зарабатывают, но их семьи, дети, собственные желудки продолжают требовать свой хлеб насущный, а запасов у них никаких нет. Касса сопротивления, которую им с большим трудом удалось образовать, недостаточна, чтобы содержать всех их в продолжение целого ряда дней, а иногда даже недель. Они умрут с голоду или вынуждены будут, подчиниться самым тяжелым условиям, какие вздумают навязать им алчность и нахальство их хозяев, если они не получат помощи извне. Но кто им предложит эту помощь? Разумеется, не буржуа, объединившиеся все против рабочих; помощь может прийти только от рабочих других ремесел и других стран. И, действительно, эта помощь приходит, приносимая или присылаемая другими секциями Интернационала, как мест-

ными, так и заграничными. Такой опыт, повторяющийся много раз, показывает лучше, чем все слова, благотворную силу международной солидарности рабочего мира.

У рабочего, который входит в секцию, чтобы воспользоваться выгодами этой солидарности, не спрашивают, какие его политические или религиозные принципы. У него спрашивают только одно: Хочет ли он вместе с благодеяниями объединения принять свою долю всех его последствий, иногда тяжелых, и все обязанности? Хочет ли он, несмотря ни на что, остаться верным секции во всех перипетиях борьбы, сначала исключительно экономической, и сообразовать отныне все свои поступки с решениями большинства, поскольку эти решения будут иметь прямое или косвенное отношение к этой самой борьбе против хозяев? Одним словом, единственная солидарность, какую ему предлагают, как преимущество, и какую ему вменяют в то же время в обязанность, как долг, это экономическая солидарность в самом широком смысле этого слова. Но раз эта солидарность серьезно принята и установлена, она производит все

остальное, – так как все самые высокие и самые разрушительные принципы Интернационала, наиболее подрывающие основы религии, юридического права и государства, власти, как божеской так и человеческой, наиболее революционные одним словом с социалистической точки зрения, являются лишь естественным, необходимым развитием этой экономической солидарности. И огромное практическое преимущество профессиональных секций перед центральными секциями состоит именно в том, что это развитие, эти принципы доказываются рабочим не теоретическими рассуждениями, а живым и трагическим опытом борьбы, которая становится с каждым днем все шире, глубже и ужаснее: так что наименее развитой рабочий, наименее подготовленный, наиболее мягкий, толкаемый постоянно вперед самими последствиями этой борьбы, начинает признавать себя революционером, анархистом и атеистом; часто не зная сам, как он им сделался.

Ясно, что только одни профессиональные секции могут дать это практическое воспитание своим членам и что, следовательно, одни

они только могут привлечь в Интернационал пролетарскую массу, эту массу, без могучего содействия которой, как мы сказали, торжество социальной революции никогда не будет возможно.

Если бы в Интернационале были одни только центральные секции, это были бы, стало быть, души без тела, чудные мечты, но без возможности осуществления их.

К счастью, центральные секции, отделения главного центра, который образовался в Лондоне, были основаны не буржуа, не профессиональными учеными, не политическими деятелями, а рабочими социалистами. Рабочие, и в этом их огромное преимущество перед буржуазией, благодаря своему экономическому положению, благодаря тому, что их миновало до настоящего времени доктринерское, классическое, идеалистическое и метафизическое образование, которое отравляет буржуазную молодежь, одарены в высшей степени практическим и положительным умом. Они не довольствуются идеями, им нужны факты, и они верят идеям лишь постольку эти последние опираются на факты.

Это счастливое обстоятельство позволило им избежать двух подводных камней, на которые наталкиваются все революционные попытки буржуа: академических споров, и политического заговора. Впрочем, программа Международного Товарищества Рабочих, выработанная в Лондоне и окончательно принятая на Женевском Съезде (1866 г.), провозгласив, что экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой должно, быть подчинено, как простое средство, всякое политическое движение[20], и что все усилия, сделанные до сих пор, окончились неудачей, благодаря отсутствию солидарности между рабочими различных профессий в каждой стране и братского союза между рабочими различных стран указывала им ясно единственный путь, по которому они могли и должны были следовать.

Прежде всего они должны были обращаться к массам во имя экономического освобождения, а не во имя политической революции; во имя их материальных интересов сначала, чтобы потом прийти к их моральным интересам, так как вторые, как интересы коллектив-

ные, являются всегда лишь выражением и логическим следствием первых. Они не могли ждать, чтобы массы пришли к ним, они должны были, стало быть, идти к ним туда, где они находятся в их повседневной действительности, а эта действительность повседневный труд, специализированный и разделенный по цехам. Они должны были, стало быть, обращаться к различным цехам, уже более или менее организованным, благодаря потребностям коллективного труда, в каждой отдельной отрасли производства, чтобы привлечь их к общей деятельности великого Товарищества Рабочих всех стран, его экономической цели; чтобы присоединить их, одним словом, к общей организации Интернационала, оставив неприкосновенными их частные организации, не посягая на автономию их. Это значит, что первое, что они должны были сделать, и что они действительно сделали, это организовать вокруг каждой центральной секции столько профессиональных секций, сколько было различных отраслей производства.

Таким образом, центральные секции, кото-

рые в каждой стране представляют душу Интернационала, облеклись в телесную оболочку, стали действительными и могучими организациями. Многие придерживаются того мнения, что, выполнив эту миссию, центральные секции должны были распаться, оставив существовать одни только профессиональные секции. По нашему это большая ошибка. Ибо, если бы центральные секции одни, не окруженные...[21]

Великая задача, взятая на себя Международным Товариществом Рабочих, задача окончательного и полного освобождения рабочих и народного труда от ига всех эксплуататоров этого труда, – хозяев, владельцев сырья и орудий производства, словом, всех представителей капитала, – не только экономическая или чисто материальная, она является в то же время и в такой же степени задачей социальной, философской и моральной; она также, если хотите, в высшей степени политическая задача, но только в смысле уничтожения всякой политики посредством разрушения государств.

Мы не думаем, чтобы понадобилось дока-

зывать, что при современной политической, юридической, религиозной и социальной организации наиболее цивилизованных стран экономическое освобождение рабочих невозможно и что, следовательно, для достижения и полного осуществления его необходимо разрушить все современные институты: Государство, Церковь, Юридический Форум, Банк, Университет, Администрацию, Армию и Полицию, которые на самом деле не что иное как крепости, воздвигнутые привилегированными против пролетариата. И недостаточно разрушить их в одной стране, их надо разрушить во всех странах, потому что со времени образования современных государств в семнадцатом и восемнадцатом веке между всеми этими учреждениями существует постоянно возрастающая международная солидарность и очень сильный международный союз.

Стало быть, задача, взятая на себя Международным Товариществом Рабочих, есть полная ликвидация ныне существующего политического, религиозного, юридического и социального мира и замена его новым экономическим, философским и социальным ми-

ром. Но такое гигантское предприятие не могло бы никогда осуществиться, если бы в распоряжении Интернационала не было двух одинаково могучих, одинаково гигантских, друг друга дополняющих рычагов; один, это постоянно возрастающая сила потребностей, страданий и экономических требований масс; другой – новая социальная философия, философия в высшей степени реалистическая и народная, покоящаяся теоретически только на действительной науке, т. е. в одно и то же время экспериментальной и рациональной, и не признающей других основ, кроме принципов человеческих – выражение вечных, неизменных инстинктов масс, – принципов равенства, свободы и всемирной солидарности.

Побуждаемый своими потребностями, во имя этих принципов народ должен победить. Ему не чужды эти принципы, они даже не новы для него, в том смысле, что он, как мы только что сказали, во все времена носил их инстинктивно в своей груди. Он всегда стремился к освобождению от всех видов гнета, лежащего на нем; и так как он, работник, кормилец общества, творец цивилизации и всех

богатств – последний раб, раб из рабов; так как он не может освободиться, не освободив вместе с собой весь мир, он всегда стремился к освобождению всего мира, т. е. к всемирной свободе. Он всегда страстно любил равенство, которое является высшим условием его свободы; и, несчастный, вечно побеждаемый в личном существовании каждого из своих детей, он всегда искал себе спасение в солидарности. Так как до сих пор взаимное счастье было неизвестно, или, во всяком случае мало известно, и жить счастливо означало быть эгоистом, жить чужим трудом, эксплуатируя и порабощая других, то только несчастные и, следовательно, больше, чем кто либо другой, народные массы знали и практиковали братство.

Социальная наука, стало быть, как нравственная доктрина, только развивает и формулирует народные инстинкты. Но между этими инстинктами и этой наукой существует, однако, пропасть, которую надлежит заполнить. Ибо, если бы достаточно было одних верных инстинктов для освобождения народов, они давно бы уже были освобождены.

Эти инстинкты не помешали массам признавать, в течение всей их столь печальной и трагической истории, все религиозные, политические, экономические и социальные нелепости и быть их вечными жертвами.

Правда, тяжелые испытания, через которые должны были пройти массы, не были для них совершенно потерянными. Эти испытания создали в их недрах нечто в роде исторического сознания и как бы практическую, основанную на традициях науку, которая очень часто заменяет им теоретическую науку. Так, например, можно быть теперь уверенным, что ни один западно-европейский народ не даст больше себя увлечь ни какому-нибудь религиозному шарлатану, ни новому Мессии, ни какому-нибудь политическому пройдохе. Можно также с уверенностью сказать, что потребность экономической и социальной революции сильно чувствуется в настоящий момент народными массами Европы, даже наименее цивилизованными, и это именно и дает нам веру в близкое торжество социальной революции; ибо, если бы народный инстинкт не проявил себя так ярко, глубоко и решительно,

тельно в этом смысле, то никакие социалисты в мире, будь то даже величайшие гении, не были бы в состоянии поднять массы.

Народ готов, он сильно страдает и, что важнее, он начинает понимать, что он вовсе не обязан страдать; ему надоело вечно обращать взоры к небу и он не расположен больше проявлять долготерпение на земле. Одним словом, массы, даже независимо от всякой пропаганды, стали сознательно социалистичными. Всеобщее и глубокое сочувствие, какое встретила Парижская Коммуна со стороны пролетариата всех стран, служит тому доказательством.

Но массы, это сила или, по крайней мере, существенный элемент всякой силы. Чего же недостает им, чтобы свергнуть ненавистный им общественный строй? Им недостает двух вещей: организации и науки, которые как раз обе составляют в данный момент, и всегда составляли, силу всех правительств.

Итак, прежде всего организация, которая, впрочем, невозможна без помощи науки. Благодаря военной организации, один батальон, тысяча вооруженных человек могут нагнать

страх, и на самом деле нагоняют, на миллионную толпу народа, тоже вооруженного, но дезорганизованного. Благодаря бюрократической организации, государство, при помощи нескольких сотен тысяч чиновников, держит в подчинении огромные страны. Следовательно, чтобы создать народную силу, способную раздавить военную и гражданскую силу государства, надо организовать пролетариат.

Это именно и делает Международное Товарищество Рабочих, и когда оно будет обнимать половину, треть, четверть или только десятую часть европейского пролетариата, государства перестанут существовать. Организация Интернационала, имеющая целью не создание новых государств или новых форм деспотизма, а коренное разрушение всякого господства, должна существенно разниться от государственной организации. Насколько последняя искусственна, насильственна, основана на принципах власти, чуждая и враждебная естественному развитию народных интересов и инстинктов, настолько организация Интернационала должна быть свободной, естественной и отвечать во всех отноше-

ниях этим интересам и этим инстинктам. Но что представляет эта естественная организация масс? Это организация, основанная на различных проявлениях их действительной повседневной жизни, на различных видах труда, организация по ремеслам или профессиям. С того момента, когда все виды промышленности будут представлены в Интернационале, включая сюда и различные виды земледельческого труда, его организация, организация народных масс будет закончена.

Ибо достаточно, в самом деле, чтобы один рабочий на десять серьезно и с полным знанием дела входил в Интернационал, чтобы девять десятых, остающихся вне его организации, подверглись его невидимому влиянию и в критические моменты, сами того не подозревая, подчинялись его руководству, поскольку это необходимо для спасения пролетариата.

Нам могут возразить, что этот способ организовать влияние Интернационала на народные массы как бы хочет установить на развалинах прежней власти и существующих правительств новую систему власти и новое пра-

вительство. Но это было бы глубоким заблуждением.

Правительство Интернационала, если тут есть правительство, или, скорее, его организованное действие на массы всегда будет отличаться от всех государств тем существенным свойством, что оно всегда будет только организацией воздействия – не официально и не облеченного властью или какой-нибудь политической силой, но совершенно естественного – более или менее многочисленной группы лиц, вдохновленных общей идеей и стремящихся к общей цели, сначала на мнение масс и только потом, посредством этого мнения, более или менее измененного под влиянием пропаганды Интернационала, на их волю, на их акты. Тогда как правительства, вооруженные властью и материальной силой, которые одни, по их утверждению, имеют от бога, другие, благодаря их умственному превосходству, третьи, наконец – самую волю народной, выраженной и выявленной путем ловкого фокуса, который называют всеобщим голосованием, насильственно навязывают себя массам, принуждают их повино-

ваться им, исполнять их декреты, в большинстве случаев не стараясь даже хотя бы внешним образом осведомиться о их чувствах, потребностях и воле. Между государственной силой и силой Интернационала такая же разница, какая существует между официальной деятельностью государства и естественной деятельностью какого-нибудь клуба. Интернационал не имеет и никогда не будет иметь другой силы, кроме великой силы убеждения и останется всегда лишь организацией естественного воздействия личностей на массы. Государство же и все государственные учреждения: церковь, университет, юридический форум, бюрократия, финансовая наука, полиция и армия, развращая, разумеется, по возможности мнения и волю подданных государства, требуют от них пассивного повиновения, не сообразуясь с этими мнениями и волей и чаще всего вопреки им, конечно, все это в мере, всегда очень растяжимой, признанной и определенной законами.

Государство, это власть, господство и организованная сила владеющих и так называемых просвещенных классов над массами; Ин-

тернационал, это – освобождение масс. Государство никогда не ищет и не может искать ничего другого, кроме порабощения масс, и потому оно призывает их к повиновению. Интернационал, желая только их полного освобождения, призывает их к бунту. Но чтобы сделать этот бунт могучим в свою очередь и способным свергнуть господство государства и привилегированных классов, которых исключительно и представляет государство, Интернационал должен был организовать. Для достижения этой цели он употребляет только два средства, которые хотя далеко не всегда легальны, – так как легальность, во всех странах, большей частью есть лишь юридическое освящение привилегии, т. е. несправедливости, – с точки зрения человеческого права оба одинаково законны. Эти два средства, как мы уже сказали, во-первых пропаганда идей Интернационала, организация естественного воздействия его членов на массы.

Тому, кто стал бы утверждать, что деятельность, организованная таким образом, является все-таки покушением на свободу масс,

попыткой создать новую власть, мы ответим, что он или софист, или глупец. Тем хуже для тех, кто до такой степени не знаком с естественным и социальным законом человеческой солидарности, что воображает, что абсолютная взаимная независимость личностей и масс возможная или даже желательная вещь. Желать ее, это значит, хотеть уничтожения общества, так как вся общественная жизнь есть не что иное, как эта постоянная взаимная зависимость друг от друга личностей и масс. Все индивиды, даже наиболее умные, наиболее сильные, и в особенности умные и сильные, в каждую минуту своей жизни являются производителями и продуктами воли и деятельности масс. Сама свобода каждой личности есть постоянно меняющаяся равнодействующая этой массы физических, умственных и нравственных влияний, которые окружающие ее другие личности, общество, в котором она рождается, живет и умирает, оказывают на нее. Хотеть избежать этого влияния, во имя какой то трансцендентальной, божественной, абсолютно эгоистической и самодовлеющей свободы, это осудить себя на

не-бытие; хотеть отказаться от этого влияния на другого, это отказаться от всякого социального действия, от выражения даже своей мысли и чувств, т. е. тоже прийти к небытию. Следовательно, эта независимость, столь восхваляемая идеалистами и метафизиками, и личная свобода, понятая в таком смысле, это небытие.

В природе, как и в человеческом обществе, которое не что иное, как сама эта природа, все живущее живет только при этом высшем условии самого положительного вмешательства и настолько энергичного, насколько это позволяет натура индивида, в жизнь другого. Уничтожение этого взаимного влияния было бы, стало быть, смертью. И когда мы требуем свободы масс, мы не претендуем уничтожить ни одного из этих естественных влияний на них ни одной личности, ни одной группы лиц. Мы хотим уничтожения искусственных, привилегированных, законных, официальных влияний. Если бы церковь и государство могли быть учреждениями, мы бы, конечно, были их противниками, но мы бы не протестовали против их права на существование.

Но мы протестуем против них, потому, что, будучи, разумеется, частными учреждениями, в том смысле, что они на самом деле существуют только для частных интересов привилегированных классов, они тем не менее пользуются организованной с этой целью коллективной силой масс, для того чтобы насильственно, официально, властнически навязать себя массам. Если бы Интернационал мог организоваться в государство, мы, его убежденные и страстные сторонники, превратились бы в его отъявленных врагов.

Но в том то и дело, что Интернационал не может организоваться в государство; он не может этого сделать уже потому одному, что, как само имя это указывает, он уничтожает все границы; а нет государства без границ, так как исторически доказано, что осуществление всемирного государства, о котором мечтали народы-завоеватели и самые великие деспоты мира, невозможно. Государство, необходимо означает несколько государств, — угнетающих и эксплуатирующих внутри, завоевывающих или по крайней мере, взаимно враждующих друг с другом за своими преде-

лами, — означает отрицание человечества. Всемирное государство, или народное государство, о каком говорят немецкие коммунисты, может, стало быть, означать лишь одно: уничтожение государства.

Международное Товарищество Рабочих не имело бы никакого смысла, если бы оно не стремилось к уничтожению государства. Оно организует народные массы только в виду этого уничтожения. Как же оно организует их? Не сверху вниз, навязывая общественному разнообразию, продукту разнообразия труда в массах, или естественной жизни масс, искусственные единство и порядок, как это делают государства; а наоборот, снизу вверх, беря за отправную точку общественное существование масс, их действительные стремления, и призывая их группироваться, гармонически согласовать свои силы, сообразно этому естественному разнообразию занятий и положений, и помогая им в этом. Такова собственная цель организации цеховых секций.

Мы говорили, что, для того чтобы организовать массы, чтобы установить прочным образом благотворное действие на них Между-

народного Товарищества Рабочих в сущности, достаточно было бы, чтобы один рабочий на десять из каждого цеха входил в соответствующую Секцию. Это понятно. В моменты великих политических и экономических кризисов, когда возбужденные до крайности массы инстинктивно понимают все счастливые начинания, когда эти человеческие стада рабов, задавленных, порабощенных, но непокорившихся, поднимаются, наконец, чтобы сбросить с себя свое ярмо, но чувствуют себя растерянными и бессильными, потому что они совершенно дезорганизованы, десять, двадцать или тридцать человек, хорошо створившихся между собою и хорошо организованных, и знающих куда они идут и чего хотят, легко увлекут за собою сто, двести, триста человек или даже больше. Мы это видели недавно на примере Парижской Коммуны. Серьезная организация, едва начавшая свою жизнь во время осады, не была ни совершенной ни очень сильной; и, однако, она была достаточно, чтобы создать колоссальную силу сопротивления.

Что же будет, когда Международное Това-

рищество Рабочих будет лучше организовано, когда оно будет насчитывать в своей среде гораздо большее число секций, в особенности большое число земледельческих секций, и в каждой секции вдвое или втрое больше членов, чем теперь? Что будет в особенности, когда каждый из его членов будет лучше знать, чем теперь, конечную цель и истинные принципы Интернационала, также как и способ их осуществления? Интернационал станет непреодолимой силой.

Но для того, чтобы Интернационал действительно мог приобрести эту силу, для того чтобы десятая часть пролетариата, организованная этим Товариществом, могла увлечь за собою остальные девять десятых, необходимо чтобы каждый член в каждой секции, гораздо глубже был проникнут принципами Интернационала, чем теперь. Только при этом условии, во времена мира и затишья он может действительно образом выполнять миссию пропагандиста и проповедника, и во времена борьбы миссию революционного вождя.

Говоря о принципах Интернационала, мы подразумеваем только те, которые содержат-

ся в наших общих статутах, принятых Женевским Съездом (1866 г.) Они так немногочисленны, что мы просим позволения привести их здесь:

1. Освобождение труда должно быть делом самих рабочих;

2. Усилия рабочих завоевать свое освобождение не должны стремиться к установлению новых привилегий, но к установлению для всех (людей живущих на земле) равных прав и обязанностей и к уничтожению классового господства;

3. Экономическое порабощение рабочего владельцем сырья и орудий производства есть источник рабства во всех его видах: социального, умственного и политического;

4. Поэтому экономическое освобождение рабочих классов есть великая цель, которой должно быть подчиненно, как, простое средство, всякое политическое движение;

5. Освобождение рабочих не является проблемой чисто местной или национальной; напротив, проблема эта касается всех цивилизованных наций, так как решение ее необходимо зависит от их теоретического и прак-

тического содействия;

6. Международное Товарищество Рабочих, так же как и все его члены, признают, что Истина, Справедливость, Нравственность должны лежать в основе их поведения по отношению ко всем людям, без различия цвета кожи, верований или национальности;

7. Наконец, оно считает своим долгом требовать прав человека и гражданина не только для своих членов, но и для каждого, кто исполняет свои обязанности: «Нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей».[22]

Мы знаем теперь, что эта программа, столь простая, столь справедливая и выражающая простым языком самые законные и самые человеческие требования пролетариата, именно потому, что эта программа исключительно человеческая, содержит в себе все зачатки огромной социальной революции: свержение всего существующего и создание нового мира.

Вот, что должно теперь разъяснить всем членам Интернационала и стать для них совершенно ясным. Эта программа несет с собой новое общество, новую социальную философию, которая должна заменить все преж-

ние религии, и совершенно новую политику, политику международную, которая, спешим заявить это, как таковая, не может иметь иной цели, кроме разрушения всех государств. Для того, чтобы все члены Интернационала могли сознательно выполнить свою двойную обязанность пропагандистов и естественных вождей масс в Революции, необходимо, чтобы каждый из них был сам проникнут, насколько возможно глубже, этой наукой, этой философией и этой политикой. Недостаточно, чтобы они знали и говорили, что они хотят экономического освобождения рабочих, полного пользования продуктом своего труда для каждого, уничтожения классов и политического порабощения, осуществления полноты человеческих прав и полного равенства прав и обязанностей для каждого, — одним словом, осуществления братства людей. Все это, разумеется, очень хорошо и весьма справедливо, но, если рабочие Интернационала остановятся на этих великих истинах, не углубляя их условия, последствия и смысл, и если они будут довольствоваться их достойным повторением в этой общей форме, они

сильно рискуют превратить их скоро в пустые и бесплодные слова, в общие непонятые места.

Но, скажут нам, все рабочие, даже когда они члены Интернационала, не могут стать учеными; и недостаточно ли, чтобы в среде этого общества нашлась группа людей, обладающих вполне, насколько это возможно в наше время, наукой, философией и политической социализма, чтобы большинство, чтобы рабочие массы Интернационала, доверчиво подчиняясь их руководству и их братскому командованию (стиль Гамбетты, якобинца-диктатора по преимуществу), могли быть уверены, что они не свернутся с пути, который должен привести их к окончательному освобождению пролетариата?

Вот рассуждение, которое мы довольно часто слышали от авторитарной партии, ныне торжествующей в Женевском Интернационале, не открыто высказываемое, — для этого у нее нет ни достаточно искренности ни достаточно смелости, — а потихоньку, со всякого рода более или менее искусными умалчиваниями и комплиментами по адресу высшей муд-

рости и всемогущества суверенного народа. Мы всегда горячо выступали против него, потому что мы уверены, – и вы, конечно, вместе с нами, товарищи, – что когда Международное Товарищество Рабочих разделится на две группы: одна, заключающая в себе большинство и состоящая из членов, вся наука которых будет состоять в слепой вере в теоретическую и практическую мудрость ее вождей, и другая, состоящая только из нескольких десятков руководителей, эта организация, которая должна освободить человечество, превратится сама в некоторого рода олигархическое государство, худшее из всех государств; и больше того, это прозорливое меньшинство, ученое и искусное, которое возьмет на себя, вместе со всею ответственностью, все права самодержавного правительства, тем более деспотического, что деспотизм его тщательно скрывается под внешностью услужливого уважения к воле и решениям суверенного народа, решениям, всегда инспирированным самим правительством этой так называемой народной воле; это меньшинство, говорим мы, повинуюсь необходимостям и усло-

виям своего привилегированного положения и подвергаясь судьбе всех правительств, будет становиться все более и более деспотичным, зловредным и реакционным. Это именно и случилось в данный момент с Женевским Интернационалом.

Международное Товарищество Рабочих может стать орудием освобождения человечества только в том случае, если оно сначала само освободится, а оно будет свободно только когда, перестанет делиться на две группы, большинство – слепых орудий, и меньшинство – ученых машинистов, и когда сознание каждого его члена будет проникнуто наукой, философией и политикой социализма.

Социальная наука лишь ветвь единой науки, всей науки, как само человеческое общество есть лишь последняя известная нам степень развития того бесконечного целого реального мира, которое мы называем природой. Социальная наука, предметом которой являются общие законы исторического развития человеческих обществ, – развитие, столь же неизбежное, как развитие всех других явлений в природе, – есть венец естественной

науки. Следовательно, она предполагает предварительное знание всех других позитивных наук, что вначале по-видимому должно ее сделать совершенно недоступной неразвитому уму пролетариата.

Или надо будет ждать дня, когда правительства, вдруг почувствовав сильную любовь к эксплуатируемым массам, учредят серьезные научные школы для детей народа, школы, в которых, вместо суеверия, столь благоприятного интересам привилегированных классов и господству государства, будет царствовать разум, освободитель народов, и в которых каждодневный катехизис будет заменен естественными науками? Это значило бы осудить себя на очень долгое ожидание. И даже если для народа откроются школы, действительно достойные этого имени, он не в состоянии будет обучать в них своих детей в продолжении всего времени, какое требуется для серьезного научного образования. Где он возьмет достаточно средств для того, чтобы содержать их там в продолжении десяти, восьми или даже только шести лет? В самых демократических странах громадное боль-

шинство детей народа посещает школы едва лишь в продолжение двух лет, или самое большое трех лет; после чего они должны зарабатывать себе на жизнь, а известно, что значат эти слова: зарабатывать себе на жизнь, для детей народа! Вступив в условия наемного труда, пролетарий должен неизбежно отказаться от науки.

И, однако, в крупных населенных центрах, в Англии, Франции Бельгии, Германии, просвещенные и искренние друзья рабочего класса открыли вечерние школы для народа, в которые масса рабочих усердно ходит, забыв свою дневную усталость, чтобы получить в них первые сведения позитивных наук. Эти школы драгоценны не по количеству знаний, какие они могут дать посещающим их, а благодаря настоящему научному методу, в который они вводят мало по малу эти девственные умы, стыдящиеся своего невежества и жаждущие знаний. Научный или позитивный метод, который не признает никакого синтеза, который бы не был предварительно проверен опытом и тщательным анализом фактов, разумный рабочий усвоив его себе,

становится в его руках могучим орудием научного исследования, при помощи которого он живо справляется со всеми религиозными, метафизическими, юридическими и политическими софизмами, которыми заботливо старались отравить его ум, воображение и сердце с его самого раннего детства.

Но эти школы едва достаточны для того, чтобы дать рабочему приблизительное знание некоторых главных фактов очень небольшого числа наук. Столь несовершенное знание естественных наук не может служить основой социальной науке, в которой он, следовательно, присужден по-прежнему оставаться невежественным...

(Рукопись осталась неоконченной)

Примечания

В этом месте Бакунин, очевидно, говорил о комитетах и их государственных привычках; он объяснял, каким образом, совершенно естественно, комитеты стали подменять своею волею и своими мнениями волю и мысли управляемых ими секций. Дж. Г.

[^^^]

2

Секции фабричных рабочих.

[^^^]

Называемый Кантональным Комитетом.

[^^^]

Бакунин оставил здесь и дальше, перед словом *членов*, пустое место; на полях он сделал следующую заметку, предназначенную для женевских друзей, которые должны были прочесть его рукопись: «Женевские друзья должны вписать настоящие цифры, я их не знаю. Во всяком случае, имеется больше тридцати секций и, следовательно, в центральном комитете больше шестидесяти делегатов».

Эта цифра, шестьдесят членов, которая соответствовала бы существованию тридцати секций, преувеличена. Во время общего Брюссельского съезда, 5 сентября 1868 г., в Женевском кантоне было двадцать четыре секции (доклад делегата Гралья); во время основания романской федерации, в январе 1869 г., женевских секций было двадцать три (доклад романского федерального комитета на съезде в Шо-де-Фоне, в апреле 1870 г.); их было двадцать шесть в октябре 1869 г. («Интернационал», т. I). Наконец, на основании газеты «Egalite» от 23 апреля 1870 г. число женевских секций во время съезда в Шо-де-Фоне было

двадцать восемь. Дж. Г.

[^^^]

Романский Федеральный Комитет был представителем романской Федерации, а женевская организация составляла лишь часть последней. Этот федеральный комитет, избранный на один год на съезде романской Федерации, заседал также в 1869 г. *Дж. Г.*

[^^^]

6

Этот «центральный комитет» правильно было бы называть «местным комитетом». Дж. Г.

[^^^]

В части рукописи, которая утеряна. Дж. Г.

[^^^]

Бакунин говорит так, потому что в 1871 г. всякий знал в секциях Интернационала романской Швейцарии этого рабочего слесаря, родом из Савойи, который в продолжении некоторого времени, казалось, воплощал в Женеве стремления и революционный дух строительных рабочих. Во время крупной апрельской стачки 1868 г. Франсуа Броссэ был главным «вожаком». В январе 1869 г., при основании романской федераций, он был избран председателем романского федерального комитета и оставался им в продолжении семи месяцев. Потом ему надоело быть предметом постоянных нападков со стороны вождей Фабрики и, кроме того, он был сильно удручен смертью своей жены и оставил борьбу. — В другом месте читатель найдет другой портрет Броссэ. *Дж. Г.*

[^^^]

Не съезд назначил Броссэ председателем, а Федеральный Комитет сам избрал для выполнения обязанностей председателя одного из своих членов. *Дж. Г.*

[^^^]

10

Как мы увидим дальше, Бакунин обращается здесь к рабочим Юрских гор. *Дж. Г.*

[^^^]

Бакунин имеет в виду здесь Анри Перрэ и Гросселена. В действительности, один только Анри Перрэ был делегатом от фабричных секций; Гросселен, также как Броссэ и Генг, был избран всеми секциями Женевы. Дж. Г.

[^^^]

Хочет он или нет.

[^^^]

Члены Интернационала немцы и немецкие швейцарцы с самого начала составляли совершенно особую организацию и имели администрацию, независимую даже от Центрального Женевского Комитета и Федерального Комитета романской Швейцарии. (Прим. Бакунина).

[^^^]

В Невшателе.

[^^^]

Мне кажется (примечание сделанное Бакуниным на полях). – Перрон умер в 1909 г., и я не мог проверить, был ли он действительно членом этой комиссии. *Дж. Г.*

[^^^]

«Кроме профессиональных секций, в Женеве существовала так называемая центральная секция, которая была начальной секцией Интернационала и в которой строительные рабочие были вначале в большинстве. Позднее, когда образовались новые ремесленные секций, строительные рабочие удалились из центральной секции, которая стала тогда маленьким синаклионом, в котором господствовали реакция и интриги Фабрики» («Записки Юрской Федерации»).

[^^^]

«Двусмысленная, и неопределенная позиция рабочих фабричной секции, полу-буржуа, взвинченных было борьбой (большая апрельская стачка 1868 г.), но склонившихся в сторону сближения с буржуазией, имела превосходного представителя в лице секретаря Женевского центрального комитета (ставшего в 1869 г. секретарем романского федерального комитета), Анри Перрэ, рабочего гравера, который вначале поддался влиянию Броссэ, Перрона и Бакунина и проявлял себя ярким революционером, пока ему казалось, что народная волна шла в этом направлении; и который потом, когда главари Фабрики взяли верх и стали давать тон в Женеве, быстро переменил язык, отрекся от своих прежних друзей и принципов, которые он так открыто афишировал, и стал послушным орудием реакции и марксистской интриги». («Записки Юрской Федерации»). Позднее Анри Перрэ стал секретарем Женевского рабочего политического союза и, наконец, в 1877 г., в вознаграждение за оказанные услуги, он был на-

значен секретарем полицейского комиссара с жалованием в 2,400 франков. Дж. Г.

[^^^]

Переписка Маркса, Энгельса и Беккера с Зорге, изданная в 1906 г. вполне подтверждает данное суждение Бакунина. *Дж. Г.*

[^^^]

Бакунин здесь ошибается. На митинге в Лондоне, в зале Сэн-Мартэн, 28 сентября 1864 г. не было представителей Бельгии, Германии и Швейцарии, которые бы «вернулись потом к себе», чтобы основать секции. Немцы и швейцарцы, присутствовавшие на митинге, Эккариус, Лесснер, Юнг (бельгийцев, как нам кажется, не было), жили в Лондоне. Только парижские рабочие послали на этот митинг делегатов, гравера Толэна, Перрашона, басонщика А. Лимузена. *Дж. Г.*

[^^^]

Бакунин цитирует эту предпосылку к главным статутам не по тексту французского перевода, опубликованному в 1865 г. и принятому затем на Женевском съезде в 1866 г., но по исправленному тексту, напечатанному в Париже в марте 1870 г. стараниями Поля Робена и Поля Лафарга. Когда Робен просматривал корректуру этого нового французского издания, Лафарг обратил его внимание на разницу между французским текстом 1865–1866 гг. и английским текстом, и после замечания Лафарга и были вставлены в этой предпосылке три слова, как простое средство, перевод английских слов *as a means*. Во французском тексте 1865–1866 гг. этот пункт был редактирован: «Экономическое освобождение рабочих есть великая цель, которой должно быть подчинено всякое политическое движение». Как видно отсюда, Бакунин не придавал тогда никакого значения этой разнице между двумя текстами и, вероятно, не заметил даже ее.

Дж. Г.

[^^^]

Следующая страница рукописи (123-я) утеряна в типографии в конце 1871 г., после того как страницы 123–129 были набраны для *Almanach du Peuple* 1872 г., где они были потом напечатаны под заглавием «Организация Интернационала». Первые двадцать пять строк «Организации Интернационала» находились как раз на 123-й странице, и мы их воспроизводим здесь по «Альманаху». Таким образом, почти весь текст этой страницы сохранился, недостает только трех-четырех строк, конца начатой в конце 122-й страницы фразы. *Дж. Г.*

[^^^]

Этот текст не является точным воспроизведением статута: это резюме, сделанное по французскому переводу, напечатанному в Париже в 1870 г. *Прим. Дж. Г.*

[^^^]